

Космос

12
ДЕКАБРЬ
1962

Космич

ЛЕНИНГРАД-МОСКВА

Костёр

12

ДЕКАБРЬ

1962

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

*Это уже давно решено: посмотреть, чем
живет сегодня старинная дорога из Ленин-
града в Москву. Голубой автобус стоит у подъ-
езда редакции.*

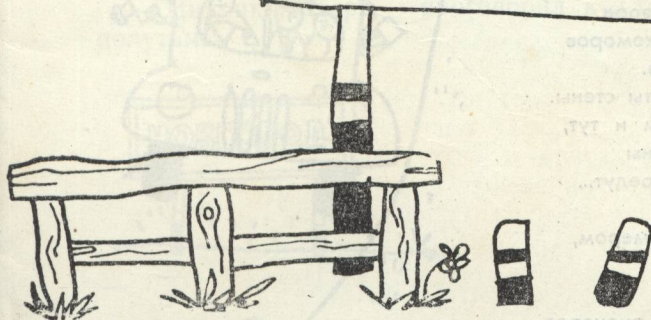
*Журналисты,
писатели,
художники*

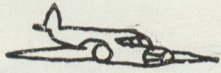
*уже держат наготове
блокноты,
фотоаппараты,
карандаши.*

*Что хочет ехать с нами? Поднимите руки.
Раз, два, три, четыре... Нет, давайте счи-
тать по-другому: в среднем пять читателей
каждого экземпляра „Костра“ хотят отпра-
виться в путешествие. $260000 \times 5 = 1300000$*

*Вот вас сколько! А нас одиннадцать.
 $1300000 + 11 = 1300011$*

*Что ж, места в голубом автобусе хватит
на всех. Залезайте, только без давки.*

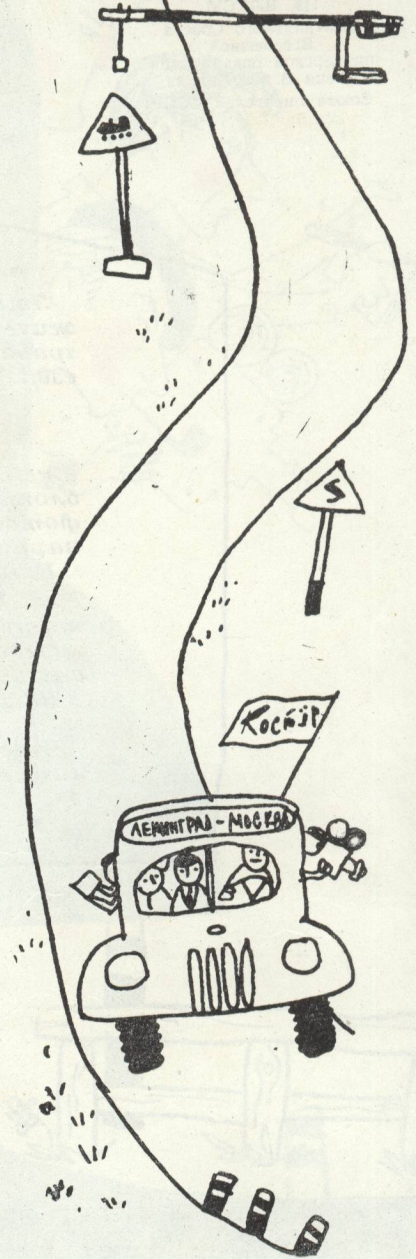
Почему мы едем в автобусе, а не на ТУ-104 и, на худой конец, не на электропоезде?

Поэт Владимир Торопыгин объяснит это вам.

Когда в столицу едет кто-то
(или оттуда в Ленинград),
«Конечно, лучше самолетом!..» —
ему обычно говорят.
Аэропорт...
Минут пятнадцать
займут выруливание, взлет,
и предложенье привязаться,
и просьба
взять конфетку в рот...
Потом из кресла,
полулежа,
ты землю различишь едва...
А дальше...
Дальше?
Ну, так что же —
а дальше сразу и Москва!
Стоит, расправив гордо плечи,
гостеприимна на века,
посланцем выслав нам навстречу
шпиль МГУ за облака.
Что — быстро?
Быстро. Понимаю:
ни посмотреть на города,
ни поболтать, ни выпить чаю...
Что ж, можно поездом тогда!
Ложись
и молча с верхней полки
смотри всю ночь на чудеса:
на города и на поселки,
на заводские корпуса,
на перебежку тьмы и света,
на ветви ближние в росе...
А остановок нет как нету!..
Так может, лучше по шоссе?..
И вот автобус
мчит на длинный
проспект
отменной прямоты.
Там солнце
над Дворцом пушнины —
все окна в блесках золотых.
Там

около «Электросилы»
нас обгоняет «МАЗ» хитро,
везя куски кембрийской глины —
так вот куда пришло метро!
А вот и зданья стали редки,
а вот уже с полей ветра,
и —
«Ленинград» —
на белой сетке,
что значит города черта.
И сразу —
тихие березы
(в чем прелесть их — смотри,
гадай!),
рыбсовхозы, леспромхозы,
вот «Пролетарка»,
вот — Валдай.
А дальше,
где-то возле Волги,
селений встанет череда:
и чудо — новые поселки
и прежней стройки города —
те, что в церквах, в рядах торговых,
те, что, как прошлый век, грузны...
И вот
Москва:
в кварталах новых —
средоточенье новизны!
Везде сады, дворов просторы,
и в скверах каждого двора
в тени фанерных мухоморов
в песке играет детвора.
В стекло, в бетон одеты стены.
А в чистом небе, там и тут,
крестообразные антенны
по крышам весело бредут...
Москва!
Ты служишь нам примером,
как строить стих,
как строить дом —
Дворцом московских пионеров,
своей судьбой,
своим трудом!

Одному из путешественников так понравилась начало пути, что он тоже заговорил стихами:

*Вперед! Сквозь день, сквозь солнца блики,
по трассе гладкой и крутой...
Нас встретит Новгород Великий
своей кремлевской красотой!*

И правда, мы подъезжаем к Новгороду. Ох, мало одного дня, чтобы осмотреть этот древний и вместе с тем молодой город! Встречи, шутки, занимательные рассказы!

Вот один из них, записанный Алексеем Лосевым.

Гостята у нас в гостях

Новгороде есть два музея: один — знаменитый, в Новгородском Кремле, другой — в школе № 4, но тоже знаменитый. Как-то вечером председатель совета школьного музея Володя Яковлев, в ту по-

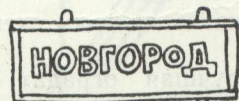
ру семиклассник, засиделся позже обычного, разбирая новые экспонаты. Володя подсчитывал свои возможности:

— Итак, имеется зуб мамонта. Прислали друзья из Средней Азии. Имеется бивень, подаренный товарищами с берегов Оби. Больше того — из Приднестровья прислали целый позвонки гигантского ископаемого...

Но, увы, даже при наличии зуба (одного), бивня (одного) и позвонка воссоздать в школьном музее полный скелет мамонта не представлялось возможным.

В задумчивости Володя чертил в тетрадке изображение мамонта, как вдруг чьи-то негромкие слова, донесшиеся из глубины комнаты, заставили его обернуться.

— Индрик — зверь, — проговорил кто-то из полутьмы.

— Точно, — сказал Володя. — Наши предки называли мамонта «индрик». Это ты, Игнатъев?

— Гостята я, сын Игнатъев.

Сперва Володя подумал, что кто-то из ребят его разыгрывает. Но, приглядевшись внимательнее, увидел к своему изумлению белокурого отрока примерно одного с ним возраста, в распоясанной белой рубашке и портах, заправленных в красивые сапожки.

— Откуда ты?

— Оттуда, — приятным тихим голосом ответил отрок, тыча пальцем куда-то вниз.

— Из погреба?

— С Лубяницы, — пояснил тот, кто назвался Гостятой. — Был отпущен на святки настоятелем Юрьева монастыря отцом Феофаном в отческий дом.

— А сюда как попал?

— Я ученик писца Юрьева монастыря схимника Иллариона, — пояснил Гостята. — На святках гошу у отца. И потерял писало. Великая жаль! Доброе писало, из турей кости. Эвон, оно у вас в склянице.

И отрок указал на одну из витрин.

Володе и смотреть туда было незачем. Он знал, что там действительно лежит костяная палочка. Он сам, посоветовавшись с учительницей истории Ириной Александровной Жуковой, выводил на табличке: «Писало. XV век. Найдено при раскопках древней улицы Лубяницы».

— Не пойму, — нахмурился Володя. — Как же ты, все-таки, сюда попал?

— Почто Лубяницу раскопали? — возмущился отрок. — Не копали бы, я бы и не пришел за писалом.

— Раскопали! — Володя вздохнул. — Нет, брат. Нам пока самостоятельные раскопки вести запрещают. А с Лубяницей случайно вышло. Строили во дворе школы спортзал и наткнулись на вашу улицу. Остатки изб, водопроводные трубы, черепки, утварь всякая...

— Отец мой тут живет, на Лубянице, — сказал Гостята. — Порочный мастер.

— За что ты отца так? Или он плохо с тобой обращается? Домострой и все такое?

— Нет. Домостроя у нас, в XV веке, еще не было. «Пороки» он делает. Осадные орудия. Вражьи крепости брать... Ой, вот курица наша!

— Где курица? Надо выгнать — еще напачкает в музей!

Но Гостята указывал на большое бревно, прикрепленное к одному из стендов, и Володя вспомнил, что эта избяная стреха в древности называлась «курицей». Володя испугался, что Гостята заподозрит его в незнании древнего Новгорода и решил познакомить его с музеем, как обыкновенного посетителя. Он показал Гостяте «ляльки», из которых древние ювелиры лили золото и серебро, чесала и льнотрепальные ножи и даже странные горшки, «голосники», — их замуровывали новгородские строители в стены церквей, чтобы в зале лучше звучало пение и голос проповедника (мы бы сказали, «для улучшения акустических свойств»).

Гостяту мало заинтересовали стеклянные браслеты, найденные на берегу Волхова Петровым из седьмого «б», игрушечный топорик X века, костяной конек древнего конькобежца и прочие забавы. Видимо, отрок полагал себя человеком не менее солидным, чем председатель музейного совета. Он, правда, несколько оживился, взяв в руки мяч, набитый

кострой. Они с председателем даже обменялись двумя-тремя пассами, причем председатель отметил про себя, что волейбол в Юрьевом монастыре был не на высоте.

Но подлинный восторг отразился в серых, как воды Ильменя, глазах Гостяты, когда они подошли к отделу оружия. Здесь его интересовало все. И «чесноки», устрашающие шипы — гроза вражеской конницы, и мечи, и шлемы, и кольчуги. Он быстро нахлобучил на голову круглый восточный шлем, схватил тяжелый меч...

Володя не успел опомниться, как Гостята, размахивая мечом, с криком: «Поганый басурман!» ринулся на манекен шведского воина в доспехах, мирно прислоненный к дальней стенке.

Большого труда стоило убедить Гостяту, что перед ним всего лишь кукла, искусно выполненная в человеческий рост и вооруженная старинным оружием. Они уже перешли к другим экспонатам, а Гостята все оглядывался и бормотал: «Пес! Пес!»...

Напоследок, как советовала Ирина Александровна, Володя показал Гостяте самый забавный экспонат.

— Это, — сказал он, указывая на горку почернелых кругляшек, — орехи XII века, которые крыса XII века натаскала в свою нору из лавки купца XII века. Мы нашли их пятьсот штук. И теперь, завязывая переписку с новыми друзьями-краеоведами, обязательно посылаем им орех или два. Теперь орехов стало куда меньше. Но это и приятно. Зато друзей у нашего школьного музея очень много!

Гостята выслушал рассказ о друзьях очень серьезно и взял писало.

«Братчина и ватага — лучшая ограда», — вывел он красивым полууставом.

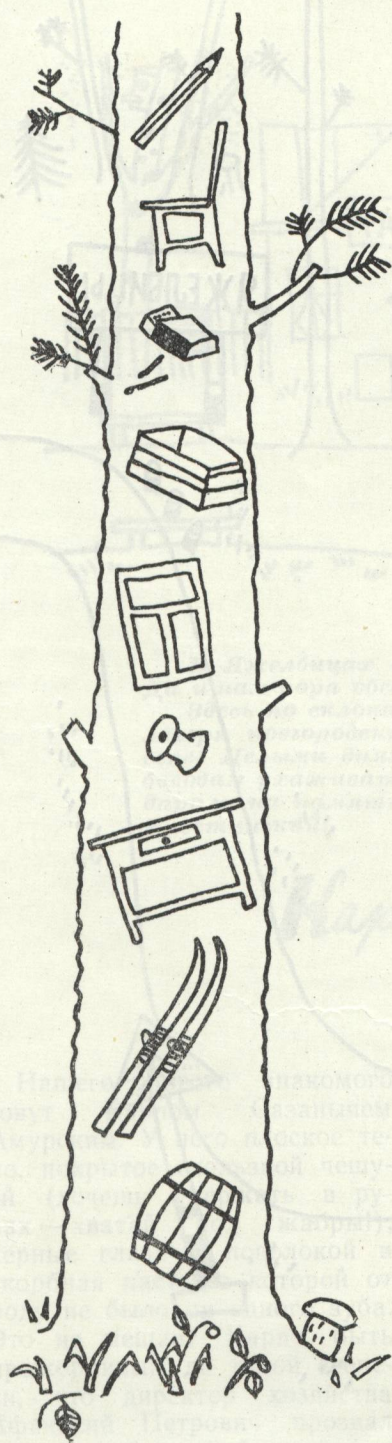
И по обычаю древних писцов прибавил: «ГОСТЯТА ПСАЛ».

Бледноватое северное солнце серебрит серые воды Ильмень-озера. Чуть свет мы выезжаем из Новгорода. И только тут длинноносый очкастый Саша догадался: „Неправда все! Не мог Гостята оказаться в школьном музее!“ Чудак, он не понял, что придумано, а что правда. Гостяты, конечно, не было, но участники пробега своими глазами видели замечательные экспонаты школьного музея. А один из них даже получил замечание за то, что свистнул в глиняную свистульку XI века...

В городе Крестцы нас встречают местные девчонки. Им очень хочется показать нам знаменитую фабрику крестецкой строчки. Пока мы осматриваем искусные изделия крестецких вышивальщиц и вышивальщиков, поэтесса Надежда Полякова потихоньку ускользнула на другой конец города, в леспромхоз. Ей хотелось поглядеть на богатые леса Лесорубов. Как они там валят вековые деревья и носят их из леса на логучих плечах. Но вот что она там увидела.

Что такое леспромхоз

При въезде в поселок висит большой щит, на котором написано:

«Здесь живет и трудится коллектив, борющийся за звание коллектива Коммунистического труда».

Вот, оказывается, какие люди здесь живут и работают!

Леспромхоз очень похож на завод, и на железнодорожную станцию, и на лесной склад сразу. Рабочие леспромхоза заготавливают, перевозят и обрабатывают промысловый лес. Сами они не делают ни лыж, на которых ты катаешься, ни бочек, в которых квасят капусту и солят огурцы, ни катушек, на которые наматывают нитки...

Но для всех этих предметов они подготавливают бревна и доски.

Обрати внимание на эту сосну. Проследи ее путь в леспромхозе. Она приехала на специальной железнодорожной платформе, которая называется сцепом. А тепловоз, который везет сцены по узкоколейке, называют «кукушкой». Ничего себе «кукушка», если он тянет девять сцепов, на каждом сцепе помещается до двадцати пяти кубических метров леса, то есть деревьев прямо с сучками!

Деревья разгружать со сцепов вручную трудно. Они большие. Нашу сосну подхватывает специальный кран. Он снимает ее вместе со всей связкой деревьев легко, будто несколько спичек, перевязанных ниточкой.

Рабочие обрубают сучья и складывают отдельно. Ты думаешь, что их выбрасывают? Тогда бы их могли обрубить еще в лесу.

Нет, их не выбрасывают. Из них гонят смолу и изготавливают уксусный порошок. А кроме того, из сучьев можно построить дом. Как? А вот так. Если сучья раздробить специальной машиной и добавить вяжущие вещества, то можно из этой массы изготовить строительные блоки. А из блоков сложить дом. Такой дом из блоков, опытный, уже построен в леспромхозе.

Итак, с сучьями покончили. Как же поступают с нашей сосной — простите, теперь уже бревном, — дальше? Бревно принимает ванну! Да, его опускают в настоящую огромную ванну, в которой даже зимой теплая вода.

Ведь пока деревья трелевали, то есть тащили трелевочными тракторами, пока их везли огромные МАЗы, деревья запачкались в грязи, обмерзли и с ними трудно справиться даже острым зубьям огромных электрических пил. И вот бревна принимают ванну, становятся чистыми и еще больше пахнут смолой,

Затем специальные опытные рабочие сортируют бревна. Из одних на спичечной фабрике будут делать спички, из других бондари собьют бочки, из березы — согнут лыжи, выточат катушки. А здесь в леспромхозе делают только заготовки, самую первичную обработку леса. Часть его идет на дрова.

С отобранных деревьев снимают кору. Раньше люди это делали вручную. Тяп да ляп топориком. А теперь установлены особые станки, которые сдирают кору. Их называют окорочными станками. Бревно идет на станок с корой, а со станка выходит голенькое.

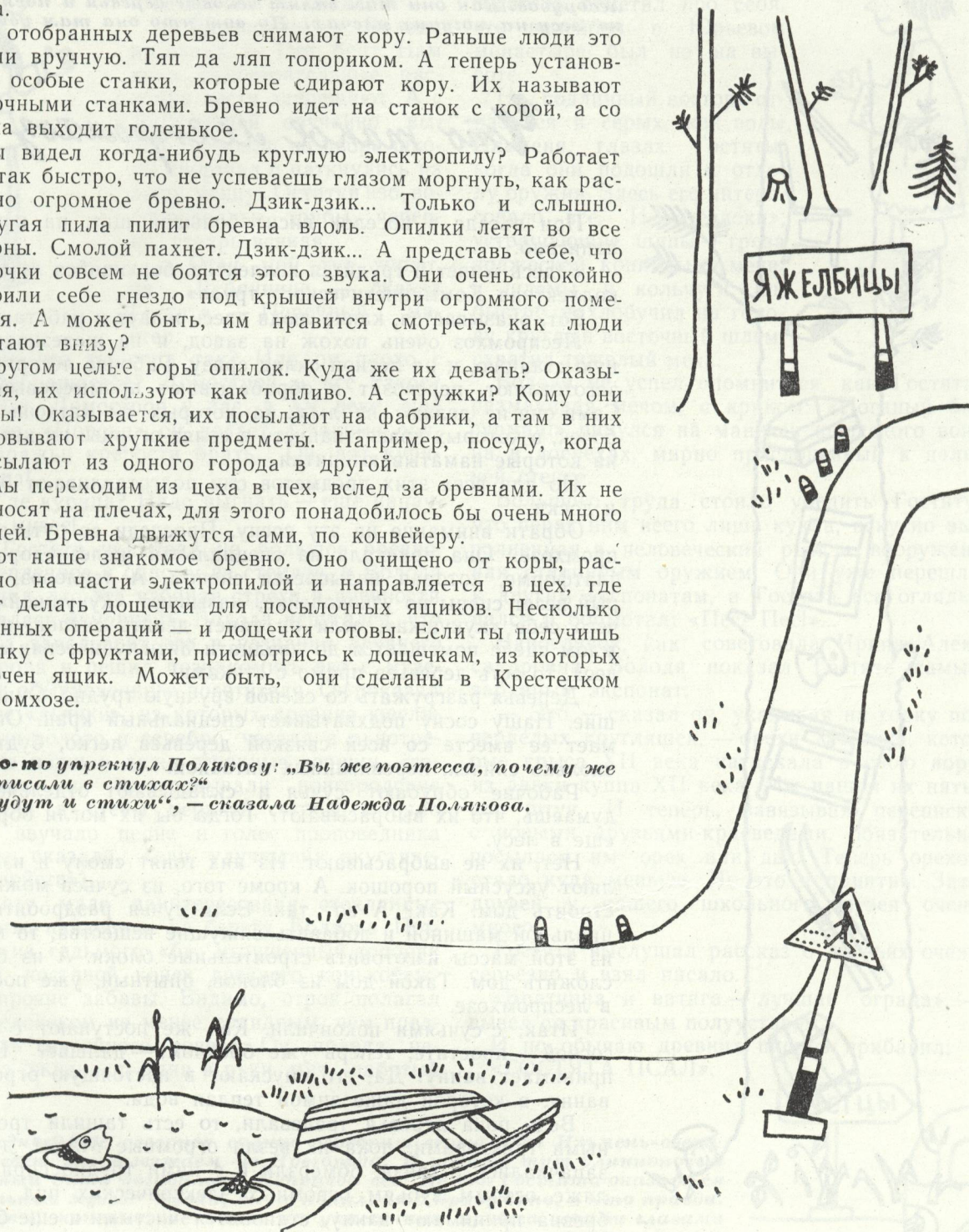
Ты видел когда-нибудь круглую электропилу? Работает она так быстро, что не успеваешь глазом моргнуть, как распилено огромное бревно. Дзик-дзик... Только и слышно. А другая пила пилит бревна вдоль. Опилки летят во все стороны. Смолой пахнет. Дзик-дзик... А представи себе, что ласточки совсем не боятся этого звука. Они очень спокойно устроили себе гнездо под крышей внутри огромного помещения. А может быть, им нравится смотреть, как люди работают внизу?

Кругом целые горы опилок. Куда же их девать? Оказывается, их используют как топливо. А стружки? Кому они нужны! Оказывается, их посылают на фабрики, а там в них упаковывают хрупкие предметы. Например, посуду, когда пересылают из одного города в другой.

Мы переходим из цеха в цех, вслед за бревнами. Их не переносят на плечах, для этого понадобилось бы очень много силачей. Бревна движутся сами, по конвейеру.

Вот наше знакомое бревно. Оно очищено от коры, распилено на части электропилой и направляется в цех, где будут делать дощечки для посылочных ящиков. Несколько машинных операций — и дощечки готовы. Если ты получишь посылку с фруктами, присмотришь к дощечкам, из которых сколочен ящик. Может быть, они сделаны в Крестецком леспромхозе.

Это-то упрекнул Полякову: „Вы же поэтесса, почему же не написали в стихах?“
„Будут и стихи“, — сказала Надежда Полякова.

*В Ягелбицах еще Пушкин едал знаменитую уху да похвалявал!
Да и нам пора обедать. Остановившай автобус, шофер!
Здесь по склонам холмов выстроились славные домики пионерского
лагеря новгородских ребят. Хорошо живется новгородцам в старом
селе! Целыми днями пропадают пионеры на прудах — помогают ры-
боводам ухаживать за их вертлявыми питомцами. Нам ребята по-
дарили на память ценный документ. Его бережно хранит Александр
Брестинский.*

Карп Сазаныч Амурский

Краткая биография

Нашего нового знакомого зовут Карпом Сазанычем Амурским. У него плоское тело, покрытое скользкой чешуей (хочешь удержать в руках — хватай под жабры!), черные глаза с поволокой и скорбная пасть, в которой от роду не было ни одного зуба. Это не мешает Карпу быть прожорливым до такой степени, что директор хозяйства Афанасий Петрович прозвал его «водной свиньей» и кормит

не только дафниями и циклопами, но хлебом, картошкой и даже творогом.

Один из его предков был красивой рыбиной с крупной, блестящей, как зеркало, чешуей. Его так и называли «зеркальный». Зеркальный карп изнежился, обленился в мраморных водоемах с высокими фонтанами. Им любовались бездельники, а дети бездельников кормили его хлебными крошками прямо из рук. Он

был вкусен, плодит и служил отличным украшением стола. Одна беда — чересчур избалован. Чуть дело к осени — карп скучнеет, худеет, перестает расти.

И решили тогда найти ему подходящую пару, чтоб потомство было не только вкусным, но и выносливым. Послали во все концы ученых-рыбоводов. Ученые обыскали реки, озера, пруды и сообщили:

— Есть в Амуре рыба — са-

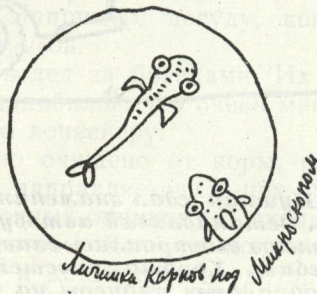
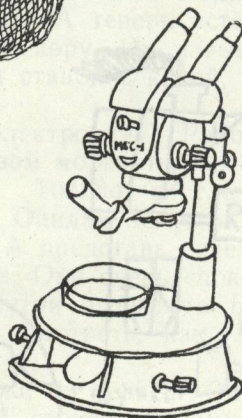
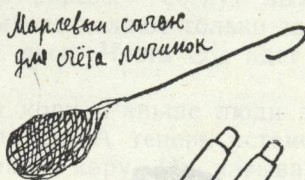
зан. Холода ничуть не боится, а по всем статьям не уступит карпу. Кроме того, они близкие родственники. Из одного семейства.

— Подать сюда сазана! — распорядился самый главный рыбовод.

Сазана — в ящик, ящик — в самолет. Семь часов летел он по небу. Выплеснули сазана в пруд, и повстречался он с карпом. А весной стал кипеть пруд, как вода в кастрюле. Беснуется рыба, мечет икру. Тысячи, сотни тысяч, миллионы икринок! Стал пруд похож на банку с икрой. Бери ложку и черпай. Немало икры, конечно, погибло — сами карпы слопали и другие прудовые жители полакомились, — а из остальных икринок вывелись мальки. И звали каждого такого малька уже не Карп, не Сазан, а Карп Сазаныч Амурский.

Знали бы вы, какой забавный этот малек под микроскопом. У него огромные глаза, ниточки — плавники, прозрачное туловище: вся анатомия просвечивает.

...Нашему Карпу Сазанычу вчера стукнул год. Он теперь «годовичок», как говорят рыбоводы. По поводу такого события всех годовичков переселили сегодня в этот пруд, большой и глубокий.

Придет время и пруд осушат. Рабочие в белых передниках и резиновых сапогах наполнят рыбой ивовые корзины и потащат на пригорок!

Там стоит живорыбная машина. В ее круглом голубом брюхе поместится немало карпов. Их ждут железные берега и прохладная черная вода. Живорыбная машина нетерпеливо урчит. Вот предпоследняя, последняя корзина. Хлоп! Люк закрылся. Поехали карпы в город.

Отправится с ними в путь и наш знакомый — Карп Сазаныч. А может быть, каким-то чудом он уберется, схоронится от глаз человека и доживет в своем пруду лет этак до трехсот. Будет расти, толстеть, пока не наберет рекордного веса — пятидесяти килограммов. Это вполне реально. По крайней мере, так написано в книгах. А книги, как известно, пишут умные знающие люди.

В конце концов его все-таки найдут и повезут уже не в магазин, а на выставку. Если бы Карп Сазаныч знал, какая блестящая будущность его там ждет, он бы обязательно спрятался в ил, когда пруд станут осушать. Прощай, Карп Сазаныч!

Солнышко медленно поворачивается над валдайскими лесистыми вершинами. Бойко катится голубой автобус, а его пассажиры затянули старинную песню про „жолокольчик, дар Валдая“. Валдай! Это слово настроило всех на серьезный, торжественный лад. Особенно после того, как художник Николай Быльев показал нам пожелтевший рисунок в своем старом блокноте и рассказал его историю.

Партизан Юрий Пареньков

Шел второй год Великой Отечественной войны. В тылу у гитлеровских захватчиков между Москвой и

Ленинградом, среди валдайских лесов, в партизанском отряде сражался тринадцатилетний Юра Пареньков. Однажды партизаны послали его и Ваню Коп-

рева с донесением в бригаду. Донесение было очень важное, а дорога неблизкая и опасная. Обоим выдали по автомату, и они пошли. Когда пробирались мимо деревни Кипино, на повороте тропинки наткнулись на немца. В поросшем кустами овражке гитлеровец внезапно появился перед ними.

Прыгать в кусты и скрываться было уже поздно. Юра и Ваня в один голос крикнули: «Стой! Сдавайся!»

Застигнутый врасплох фашист поднял руки вверх. Но тотчас разглядев, что перед ним обыкновенные мальчишки, он резко приподнялся и схватился за пистолет. Мешкать было нельзя, Юра Пареньков в тот же миг сразил его короткой очередью из автомата. Юра взял себе трофей — пистолет. А еще взял себе френч, потому что его курточка износилась в лохмотья. Все бумаги, которые нашли в карманах гитлеровца, ребята принесли в бригаду...

18 марта 1942 года партизанский отряд вел бой за селение Лемтехово. Юра подносил патроны. Неподдалеку от места боя была колхозная конюшня. От разорвавшегося снаряда крыша ее загорелась. Пламя пожара, раздутое ветром, быстро охватывало все строение. Лошади в конюшне металась и ржала. Юра бросился им на выручку. Он настезь распахнул ворота и, пробилаясь в едком дыму под сыпавшимися с потолка головами, принял рубить кинжалом привязи коней. Освобожденные кони галопом выскакивали из конюшни. Под немецкими пулями Юра отогнал их в лес. Он спас около пятидесяти лошадей.

Двумя днями позднее командир партизанского отряда позвал Юру к себе и сказал, что просит его пойти на разведку. Но Юра ответил, что ему не хочется. Это было 20 марта, как раз в день его рождения, когда ему исполнилось тринадцать лет.

Но не в дне рождения было дело. А в том было дело, что в это самое утро задела его по правой щеке вражеская пуля, и попала она в партизана, что лежал рядом и тяжело ранила его...

Юра все еще не мог отделаться от пережитого им жуткого ощущения. Ему было страшно идти к врагам. Он боялся идти в разведку, и вместе с тем его мучил стыд за свою боязнь. Ночь он почти не спал, и на другой день утром сам подошел к командиру и сказал: «Я пойду».

Он шел будто бы побираясь, просил у встречных то кусочек хлеба, то картошки, а сам все примечал вокруг да считал фашистов.

Пройдя через всю деревню, сообразил, в какой избе расположился штаб немцев, и прошмыгнул туда

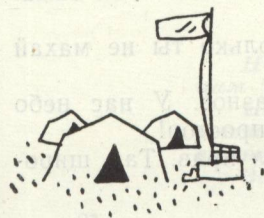
мимо зазевавшегося часового, чтобы посмотреть, сколько там офицеров.

В штабе его обыскали, надрали ему уши и часа два держали и допрашивали. Но он только хныкал и просил хлеба. Наконец его пинком вышвырнули с крыльца на улицу.

Темной ночью он вернулся из разведки к своим.

В мае 1942 года Юра Пареньков за смелость, за отличное выполнение боевых заданий был торжественно награжден перед строем товарищей-партизан медалью «За отвагу»...

Когда кончилась Великая Отечественная война, я старался узнать о его судьбе. Старые партизаны рассказывали, что Юра погиб, но когда, при каких обстоятельствах — этого никто не мог толком объяснить. Известно только, что случилась беда незадолго до того, как должны были отправить Паренькова в Москву, в Суворовское училище. Не успели...

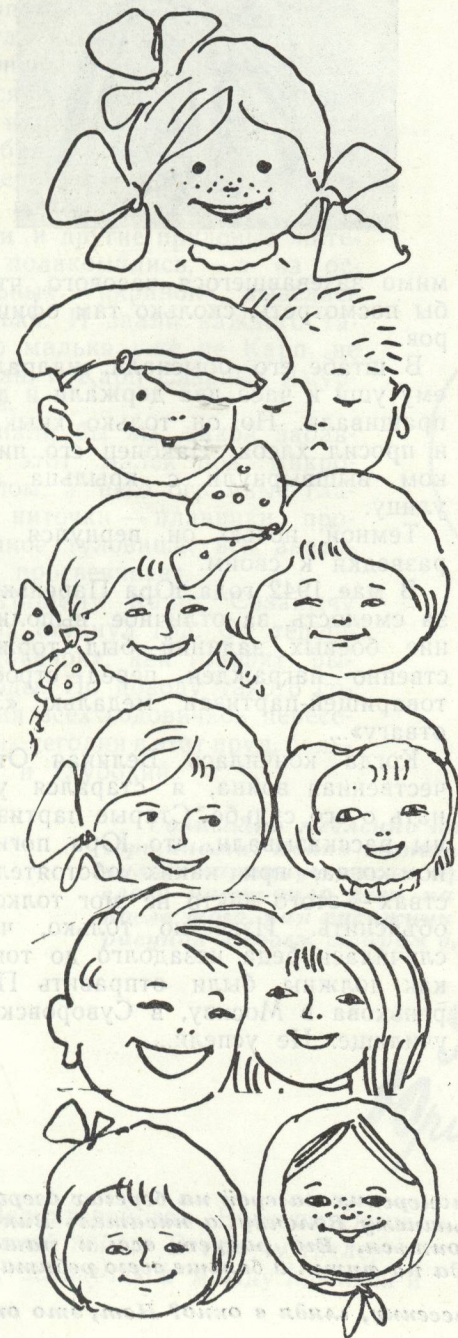

Два чудесных дня в созвездии пионерских лагерей на берегах озера Мстисло! Мы уже подъезжаем к Вышнему Волочку, а писатель Виктор Голявкин все не может успокоиться. Его радует все: и наше путешествие, и исторические города на пути, и больше всего ребята, с которыми он знакомится.

Вы думаете, это он напевает песенку, глядя в окно? Нет, это он рассуждает про себя.

Кто только по этой дороге не ездил...

Во-первых, Радищев. Во-вторых, Пушкин, Лермонтов. Сколько разных великих людей ездили раньше, да и

теперь, по этой, можно сказать, знаменитой дороге. Из Петербурга в Москву. Из Москвы в Ленинград. И обратно.

Я был рад, узнав, что я еду. Притом сразу туда и обратно. Итак — по знаменитой дороге! Путешествие началось. Остановки. Встречи с детьми. Выступления. Записи. Я не мог, конечно, всем интересоваться. Не мог я брать на себя столько ответственности и задач, сколько брали на себя, скажем, Пушкин, Лермонтов или Радищев. Это вполне понятно. Поскольку я детский писатель. И по другим причинам.

Меня интересовали дети. Кое-что меня еще интересовало. Но в основном меня интересовали дети.

С детьми я нашел контакт сразу. Стал читать им свои рассказы. Я пишу веселые рассказы. Естественно, тут нужен смех, чтобы дети смеялись.

Дети, в общем, смеялись. Но не все. Кое-кто не смеялся. Это явно меня беспокоило. Как же так, посудите сами: веселый писатель, то да се, а смех не поголовный. Я к ним обратился с речью: «Дорогие ребята, — сказал я. — Тут кое-кто не смеялся. Так вот. Для них я напишу специально. Поработаю в полную силу. И в другой раз прочту, то есть в следующую поездку. Чтобы смех был дружный, а не какой-то отдельный. Чтобы всем было весело. Я обещаю. Вовсю потружусь, не останусь в долгу!» «Что ж, посмотрим, — сказал один мальчик. — Увидим». Он мне как будто не верил. Он как раз меньше всех смеялся. Я пожал протянутую руку и сказал: «Я растормошу тебя. Будешь и ты хохотать!»

Надо сказать, таких было мало. В общем, смеху достаточно было. Народ в общем там жизнерадостный. Не смешно — все равно смеются. Тут, правда, есть оговорка. Может, мне не смешно, а им наоборот. Это тоже учитывать надо. Трудно всем угодить. Это ясно. Смешить все же трудно людей. Куда легче рожу скорчить. Споткнуться. В лужу упасть. Моментально смеются. И то не всегда. А тут надо писать. И чтоб было смешно. Да что и говорить, нелегкий труд. Но тут речь не об этом.

Тут речь пойдет о детях. О всех не напишешь, конечно. А дети там все замечательные. Правда, дети везде хороши, а там лучше всех. Не в обиду другим детям сказано. Так уж мне показалось.

Один мальчик сказал мне:

— У нас есть кони. И птицеферма. И небо — огромное!

— Небо есть и у нас, — говорю.

— У вас не такое небо. А у нас — во! — он зама- хал руками.

— Небо везде одинаковое. Сколько ты не махай руками.

— Нет, — сказал он, — небо разное. У нас небо в сто раз больше вашего. У нас простор!

Да, действительно, мальчик был прав. Там широкий, красивый русский простор.

— Ты прав, — сказал я.

Когда Александр Николаевич Радищев совершал свое знаменитое путешествие, он специально останавливался в Вышнем Волочке, чтобы осмотреть здешние каналы. Слов нет, хороши: тихие, чистые! Вдоль них — прямые улицы с приветливыми старинными и новейшей постройки домами. Но мы спешим на вышневолоцкий хлопчатобумажный комбинат. Здесь работает знаменитый человек нашей Родины — Валентина Ивановна Гаганова.

Вот беда! Валентина Ивановна вчера уехала в Москву на важное совещание. Но зато мы знакомимся с другими интересными людьми. Разрешите представить вам Галю Захарову.

Галя работает в прядильном цехе. Сейчас она за бригадира. Сфотографировал Галю наш фотокорреспондент Феликс Нафтульев.

Инженер Георгий Иванович Бучин хорошо помнит то время, когда все эти цеха принадлежали миллионеру Рябушинскому. Время, о котором Галя Захарова знает только понаслышке.

Георгий Иванович пришел на комбинат четырнадцатилетним парнишкой. Взял его в отбельный цех, на самую тяжелую работу. Хотите знать, какую? Послушайте самого Георгия Ивановича:

«...Представьте себе котел, вроде тех, где белье кипятят. Только белья в том котле — три гонны. Кипятят, варят материю в котле, а потом бросают туда хлорную известь, чтоб ткань стала белой и красивой. А чтоб процесс ровно шел, надо ткань мять, топтать, укладывать...»

Вот мы, мальчишки, и лезем в котел. И целую смену стоим там в преисподней. Считай, в полной темноте. Топчем, укладываем, ровняем...

Ровняем, укладываем, топчем... Голова, конечно, покрыта, сам немного зачехлен — и все одно — сводит тело от извести. Вылезешь после смены, прости ты меня, весь сморщенный, как куриная гузка...

Одно утешение: «добрый» хозяин распорядился рядом другой котел поставить — вместо ванны. Бросишься в воду, как очумелый. Плаваешь, плаваешь... Вылезаешь — а пальцы, словно чужие, так их известью свело».

Немало пришлось поплутать Лидии Пожидаевой по крутым улицам Торжка, пока она разыскала Институт льна.

Немало пришлось поплутать участникам пробега по коридорам института, пока они разыскали там Пожидаеву и уговорили ее ехать дальше.

Зато в блокноте журналистки появились интересные записи.

О северном шелке и его врагах

Лен недаром называют северным шелком. Если вы живете на юге, вы не увидите на полях зеленой шелковистой травки с нежно-голубыми цветочками.

И все-таки лен не привязан крепко-накрепко к северной и средней полосе нашей страны. Он продвигается и на восток и на юг. Не сам продвигается. Отправляют лен в новые районы страны прямо с опытных участков Всесоюзного научно-исследовательского института льна в Торжке.

Научный сотрудник института Анна Гавриловна Бермес рассказала, что сорта «Светоч», «Победитель», «Прядильщик» — не только названиями отличаются друг от друга: каждому необходимо разное количество влаги, тепла и света. На опытных участках института новые сорта льна собирают в дальний путь, выводят их выносливыми, готовят к новоселью.

В институте нам показали карту посевов. «Точечную» карту, потому что точечками обозначены места расселения льна. Ученым института приходится выводить совсем новые

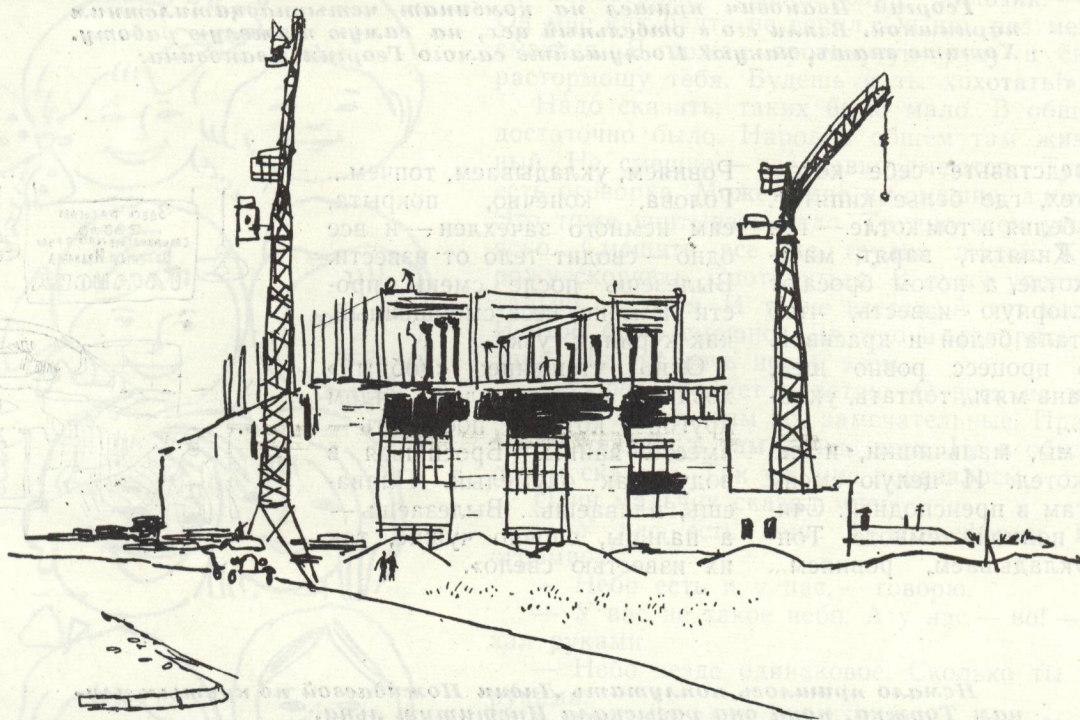
сорта этой древней культуры, хотя на земном шаре и без того 200 видов культурного льна.

Все надо предусмотреть: у льна много зеленых врагов — сорняков. Например, лен любит воду, а возле него живет лебеда — она пьет в два раза больше. А злобный пырей — в три раза!

Даже темно-синий василек — злейший враг льна: его блестящие семена очень похожи на льняные зерна. Бывает трудно отличить семена сорняка от семян льна и еще более трудно в таком случае отделить их перед посевом.

На посевы делают губительные налеты льняные блохи и долгоносики. В химической лаборатории института ученые придумывают ядовитые составы — гербициды — для защиты льна от болезней и зеленых врагов.

Лен — это ботинки и рубашки, чехлы для машин и мешки, масло и другие полезные человеку вещи. Вот почему целый научный институт озабочен судьбой льна, его продвижением в новые районы, защитой от врагов и болезней.

Калинин — самый большой город на нашем пути. Встреч и впечатлений слишком много даже для 1300011 участников пробега. Но особенно довольны наши художники Михаил Беломлинский и Георгий

Бовенчук. Они начали рисовать от самого Ленинграда, от второй страницы обложки до вот этой, тринадцатой страницы журнала. Но рисовать строительство гигантского комбината детской книги или приятнее всего. Ведь когда новый комбинат вступит в строй, художники сделают еще больше книжек для ребят.

Последняя наша остановка перед Москвой — Клин. Тихе, тихе ступайте! В глубине этого сада домик Петра Ильича Чайковского. Здесь великий композитор писал свою музыку, которая заставляет нас радоваться и плакать. Войдемте все вместе сюда.

На дверях медная дощечка: „Петра Ильича Чайковского нет дома“. И кажется, что хозяин, вышел ненадолго, скоро вернется и обрадуется, что у него столько гостей. И заиграет от радости веселый марш из первого действия оперы „Пиковая дама“.

Как раз тут Надежда Полякова сдержала свое обещание написать стихи.

В доме Чайковского

Сюда приезжали, еще не в музей,
Друзья — музыканты, певцы и певицы.
Хозяин встречал, улыбаясь, гостей,
Выслушивал новости из столицы.

Смеялся, рассказывал сам, и опять
Играли и пели, и чай разливали...
Хозяина нет, но не могут молчать
Волшебные струны в волшебном рояле.

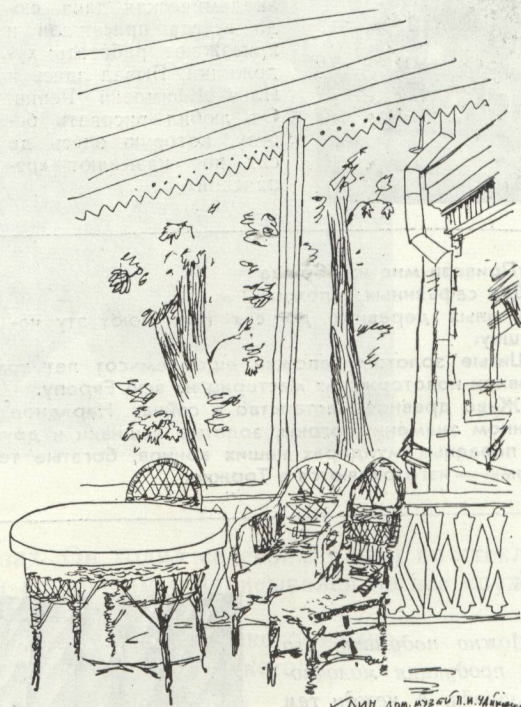
Раз в год открывается крышка его,
И клавиш касаются руки. И снова:
Чайковский... И это опять волшебство,
Как будто в гостях у него, у живого.

«Нет дома» — дощечка висит на дверях.
«Нет дома» — и все-таки знаем, он дома.
Здесь всё, как при нем, на привычных местах,
До мелочи дорого все и знакомо.

«Нет дома». Но каждый в молчании ждет...
Вот капли дождя застучали по крыше.
Он, может быть, вышел и скоро придет,
А, может быть, письма издателем пишет.

И если однажды покажется вам,
Что дом опустел, что в саду только ветер,
Он дома! Входите! Коротким словам:
«Нет дома» — не верьте, прошу вас, не верьте!

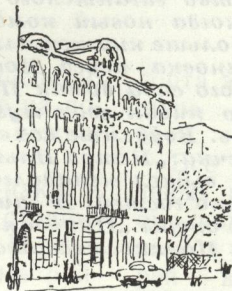
Уже мелькают за окнами автобуса первые здания столицы,
а между попутчиками завязался оживленный разговор о том, кто
что увидел в дороге и кто чего не успел повидать. Немало интересных
мелочей рассказали путешественники друг другу.

Этот старинный дом стоит в Ленинграде на улице Марата. Улица не всегда носила имя вождя французской революции, «друга народа», как гордо называл себя пламенный Марат. В давние времена была она петербургской окраиной и называлась Грязной.

Здесь в конце XVIII века жил человек, которого в России современники тоже называли «другом народа».

Александр Николаевич Радищев

много ездил по стране, изучал жизнь бесправных крепостных. Всю правду о бесчеловечном царском строе рассказал он в сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву».

Он обдумывал свое «Путешествие» много лет, и от этого каждое слово в книге звучало как приговор царице, помещикам, всему крепостничеству.

Осторожные петербургские типографчики боялись печатать смелую книгу. Тогда Радищев купил печатный станок и установил его у себя на Грязной. Печатать ему помогали его друзья — камердинер Петр Иванович Козлов, живописец Михаил Гаврилов и наборщик Сысоев.

Царское правительство заточило Радищева в крепость, а потом отправило в долгую сибирскую ссылку. Но, хотя большинство экземпляров было сожжено, славная книга сделала свое дело: многих русских людей подняла она на революционную борьбу.

В будущем году исполняется ровно сто лет затейливой восьмигранной постройке на берегу озера Мстино, под Вышним Волочком. И есть у нее своя история. Это академическая дача, сюда всегда приезжали и приезжают работать художники. Бывал здесь и Илья Ефимович Репин. Он любил рисовать березу, которую здесь до сих пор называют «репинской».

«Привези мне из Торжка Два сафьянных сапожка».

В иных деревнях до сих пор поют эту частушку.

Шитые золотом сапожки еще семьсот лет тому назад прославили новоторжских мастериц на всю Европу.

Живо древнее мастерство и сейчас. Нарядное шитье на дружинном знамени, погоны, золотые нашивки и другие украшения на парадных мундирах наших воинов, богатые театральные костюмы — изготавливаются в Торжке.

Кто из нас не едал румяных пожарских котлет? О них писал еще Пушкин приятелю:

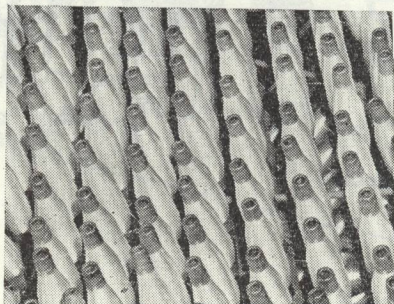
«У Пожарского в Торжке жареных котлет отведай. В гостинице Пожарского в Торжке, где так вкусно готовила котлеты свояченица хозяина Евдокия, останавливались не только Пушкин, но и Толстой, Островский и многие другие знаменитые люди прошлого. Сейчас здесь клуб фабрики «Парижская Коммуна».

По конвейеру бегут лиловые тарелки. Бегут прямо в печь, где температура 900 градусов. После заправки они станут привычно белыми.

На фарфоровом заводе «Пролетарский» близ Новгорода не напрасно добавляют в глазурь обыкновенные синие чернила. После обжига рабочие смогут заметить трещинку на фарфоре. Голубая чернильная полоска сразу выдаст ее — она строгий контролер.

Можно подумать, что это продукция молочного завода. А между тем снимок сделан на прядильно-ниточном комбинате в Вышнем Волочке.

Что же это такое?

На хлопчатобумажном комбинате в Вышнем Волочке один цех называют зеркалом комбината. Почему? Да потому, что здесь проверяют качество готовой продукции. Необычное длинное полотенце — пять с половиной километров — тянется через весь цех. Работницы тщательно проверяют качество вафельной ткани и только потом автомат режет полотенце на куски не больше метра каждый.

Москва! Москва! Конечно же, мы должны были завершить наше путешествие в новом Дворце пионеров. Мы ехали по чудесной обновленной земле и не могли миновать на своем пути этот город будущего, как прозвали москвичи комплекс зданий на Ленинских горах. И потом мы хотели встретиться с московскими пионерами.

Дольше всех бродил по залам Дворца Владимир Герасимов. Его рассказ вы сейчас читаете.

Город будущего принадлежит пионерам

Честное слово, хочется заниматься в шестидесяти кружках сразу!

В кружке юных космонавтов — там уже на первом занятии укладывают в планшеты космические карты.

В кружке археологов — поскрести землю лопатой и, может быть, отыскать клад времен Ивана Грозного.

У юннатов.

У акробатов.

У туристов.

У авиамodelистов.

Но ведь нельзя же разорваться!

Хотя один белобрысенский мальчик по имени Володя пробовал разорваться у нас на

глазах. Он ходил со своим папой по стеклянным коридорам и записывался во все кружки. Он записался:

в кружок арабского языка,
в клуб филателистов,
в фотокружок,
в духовой оркестр...

Потом он записался в хор и его попросили спеть. Он затянул песню «Я люблю тебя, жизнь» и прозевал первое занятие в кружке авиамodelистов, куда он записался еще вчера.

Тогда его папа рассердился на целый свет и сказал, что в его время все было по-другому.

Но Володю можно было понять. Мы бы тоже хотели приходить во Дворец пионеров

каждый вечер, потому что такого красивого здания, наверно, больше нигде не найдешь.

Нет, это не какой-нибудь там небоскреб.

Дворец не ошарашивает, он зовет войти. Площадь перед входом — зеленеющая лужайка. Стекланные корпуса распластались по Ленинским горам так ловко, словно их поставила здесь сама природа.

Дворец похож на прозрачный кристалл, омытый дождем. И радуга вспыхивает на его чистых гранях.

О радуге мы подумали, увидев яркую мозаику над главным входом. У костра сидят пионеры. На краю стены замерли в огромном шаге три фигуры ростом в целый дом. Рабочий, ученый и девушка-строитель. Это создатели сказочного дворца.

Сказочного? Это слово, пожалуй, припомнилось некстати.

В тереме, сооруженном по щучьему велению, вряд ли бы выросла целая роща диковинных деревьев со всех концов света.

Например, старая пальма. Она родилась в Южном Китае.

За сто лет она растолстела и обросла красивыми листьями — каждый длиной с лодку.

В Китае любят делать подарки. В один прекрасный день пальму выкопали и отвезли в Москву на Ленинские горы. Здесь она нашла землю очень теплой, а небо удивительным — из стекла и бетона. Она не знала, что все это называется ботаническим садом при новом Дворце московских пионеров.

Над прозрачными куполами сада бегут

облака. Стекла в куполах не простые. Они пропускают только ультрафиолетовые лучи, которые особенно полезны для заморских гостей.

— Перед вами кактусы. Они растут в пустыне. Я стираю с них пыль, — сказал нам юннат Саша Канаев.

И точно — перед нами была пустыня с кактусами. А мы стояли над нею, как Гулливеры. Мы видали кактусы и раньше. Но в этой карманной пустыне их выросло на удивление много: одни — вылитые огурцы, другие — вылитые арбузы. Только с колючками.

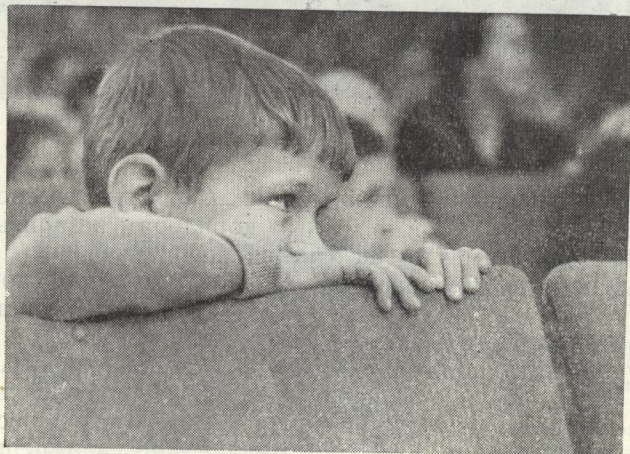
Полминуты пути отделяет пустыню от джунглей. По пути можно сделать привал на мраморных берегах искусственного озера, где шевелят плавниками толстые красные рыбы.

— Перед вами всем известный фикус, — объясняет Саша. — А рядом я сам не знаю что. Я всего два дня как записался. Приезжайте через год, я все буду знать!

Из ботанического сада мы попали в настоящий киносъёмочный павильон. Операторы и осветители в красных галстуках очень спешили. Оставались считанные дни до выпуска киножурнала «Наш Дворец»...

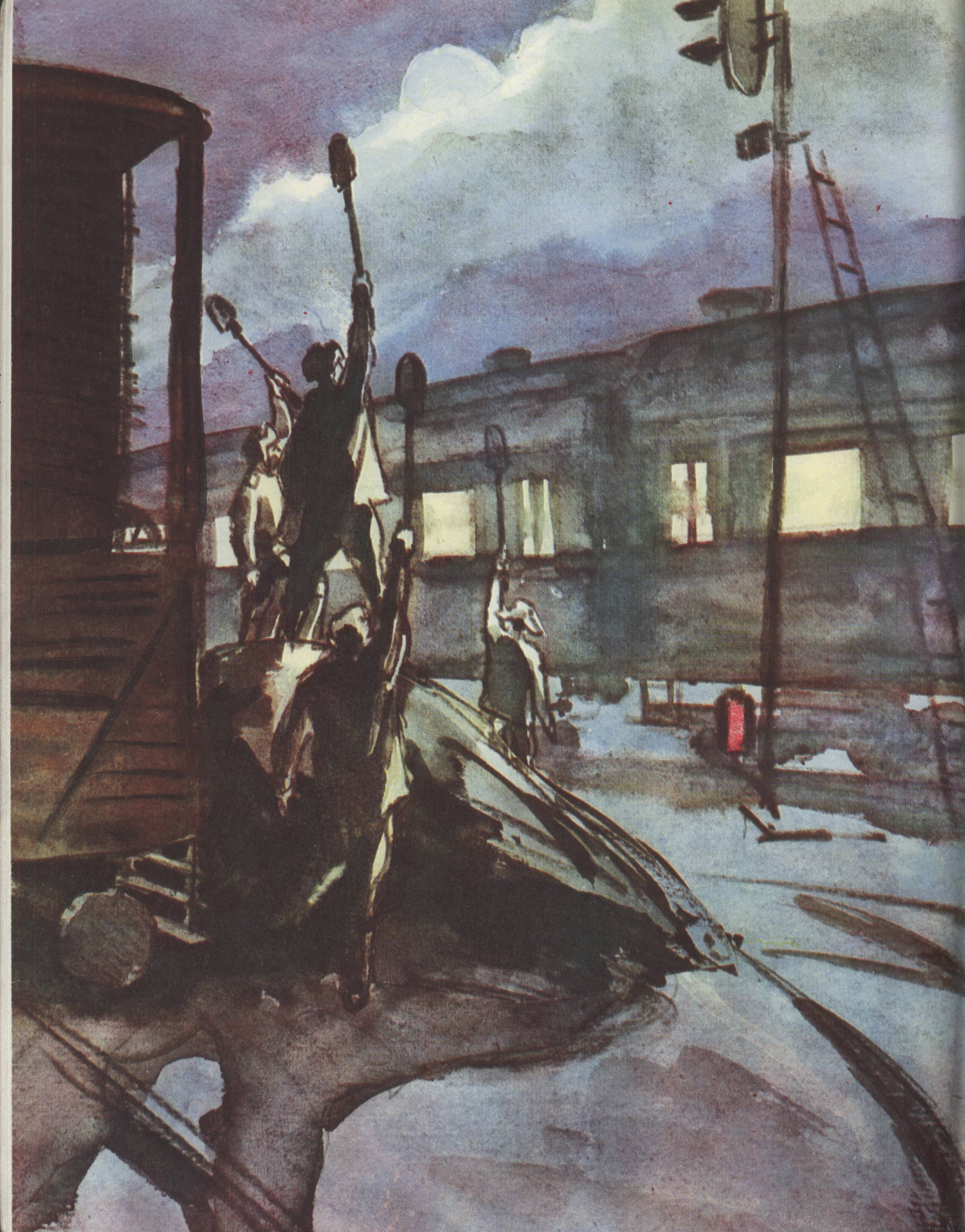
В сизых сумерках мы оставили Дворец и зашагали к метро. Пройдя бетонную аллею, оглянулись. Дворец светился голубым огнем. Красный флаг струился на пятидесятиметровой стальной мачте.

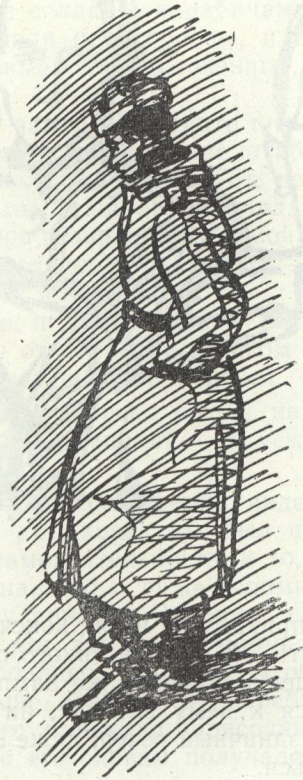
Город будущего, мы уже касались твоих стен, мы отворяли твои прозрачные двери, мы видели тебя!

Цветные фотографии главного корпуса Дворца и фойе концертного зала Л. Бергольцева

МЫ — СОЛДАТЫ

Рассказ

Б. Никольский

Рисунки А. Сколузובה

— Во Владивостоке уже Новый год...
— Да, во Владивостоке уже Новый год...
Солдаты сидели в комнате политпросветработы, несколько человек вырезали флажки из цветной бумаги, другие читали письма или играли в шахматы. Дима Сергеев торопливо до-

рисовывал хвостатые звезды на стенной газете — в последний момент ему почему-то показалось, что звезд слишком мало. Но, пожалуй, торопился он напрасно, потому что газету уже успели все прочесть, пока она сушилась.

Вторая половина комнаты была пуста, столы оттуда вынесли, и теперь там хозяйничал комсорг первого взвода Гоша Беляев — он протянул проволоку от стены к стене и старательно привязывал к ней ниточками конфеты в обертках, карандаши и перья. Это был единственный аттракцион, который он смог придумать.

Солдаты готовились встречать Новый год — свой первый Новый год в армии. Впрочем, «встречать» — это слишком громко сказано. Командир роты предупредил, что отбой будет, как обычно, в двадцать три ноль-ноль. И хотя времени уже оставалось немного, вечер не начинался. Все ждали лейтенанта Новикова, командира первого взвода. Он обещал принести проигрыватель и пластинки — с музыкой как-никак веселее. Но что-то долго он не появлялся, и пока Леня Сайгаченко, лениво растягивая гармонь, подбирал мелодию какого-то вальса.

Солдаты уже решили, что лейтенант забыл о них, что он не придет, но тут как раз дверь открылась и на пороге появился Новиков.

— Первый взвод, строиться, — сказал он.

И только сейчас все заметили, что лейтенант одет в старую шинель и в старые поношенные сапоги, и сразу почувствовали что-то недоброе, и сразу вспомнили, что сегодня их взвод — дежурное подразделение...

— Вот что, товарищи, — сказал лейтенант, когда взвод построился, — прибыли три вагона с углем. Их необходимо срочно разгрузить. Ясно?

Солдаты молчали. Трудно было придумать что-нибудь хуже. Эта железная дорога вечно подстраивала им всякие неприятные неожиданности. Понятное дело, кто же, кроме солдат, станет разгружать вагоны в праздничный вечер...

— А если ясно, — сказал лейтенант, точно и не заметив молчания, — тогда переодевайтесь в рабоче обмундирование. Даю десять минут.

Солдаты зашевелились, но по-прежнему стояли в строю. Шепот пополз по рядам.

— Ну? — сказал лейтенант.

Никто не решался заговорить первым. Потом сзади, в третьей шеренге, произошло какое-то движение, и Валерий Лозовский сказал:

— Товарищ лейтенант, мы что — разве не люди?

— Нет, почему же, — спокойно ответил лейтенант, — но мы с вами еще и солдаты. А если тревога — вы тоже станете пререкаться?

— Так то тревога, а тут — подумаешь, уголь... И так уже весь день работали: и полы мыли, и снег скребли, сколько же можно...

Валерия Лозовского не очень любили во взводе — он был избалованный парень и нытик, и при случае не стеснялся свалить свою вину на другого. Но сейчас он говорил именно то, о чем думал каждый, и потому все молча, напряженно ждали, чем кончится этот спор.

— Довольно, — холодно сказал лейтенант. — Нет ничего хуже ноющего солдата. Не нравится — идите жалуйтесь.

— И пойду! — обиженно выкрикнул Лозовский. — К замполиту пойду!

— Идите. Хоть сейчас. Я вас отпускаю.

Все были уверены, да и лейтенант, наверно, тоже, что Лозовский никуда не пойдет, что на этом разговор и кончится, но Валерий вдруг вышел из строя и направился в раздевалку, бормоча про себя: «Подумаешь... Что мы, не люди...»

И хотя до сих пор весь взвод был на его стороне, теперь вдруг всем стало как-то неловко перед лейтенантом. В конце концов ему-то было гораздо хуже: его ждали дома, у него была жена, дочка, может быть, он собирался в гости... А он молчал. Он мог поставить себя в пример, мог сказать: мне же ничуть не легче, а я вот молчу, но он не сделал даже этого.

— Все? — спросил он.

И на этот раз солдаты послушно кинулись в каптерку за рабочим обмундированием.

* * *

*

Выйдя из казармы, Валерий Лозовский направился было в сторону штаба, но скоро остановился в нерешительности. Никакого определенного плана у него не было. Куда идти? Кому жаловаться? Командиру роты? Тот, даже если и захочет, вряд ли что-нибудь сможет сделать. Дежурному по части? Так он сам

отдал это приказание и уж, конечно, не станет его отменять... А больше никого сейчас в штабе не найдешь. Звонить же замполиту домой или явиться к нему вот так, ни с того ни с сего, в праздничный вечер, даже Лозовский не мог решиться.

Валерий топтался на месте, не зная, что предпринять. Легкий мороз прихватывал уши, да и ноги в кирзовых сапогах начинали мерзнуть. Он видел, как из казармы вышли солдаты, как построились они в колонну по три и пошли к железной дороге. Шли они недружно, часто сбивая ногу, и лопаты в разной качались над строем.

Вернуться, пока не поздно? Попросить извинения у лейтенанта? Вернуться вот так, ни с чем? Да нет, не будет этого, не дождутся...

Раздражаясь и злясь все больше, Лозовский пошел в штаб. В штабе никого не было. Только дежурный писарь сидел в коридоре возле телефона и читал «Огонек». Часы на стене показывали половину десятого.

Лозовский побежал назад в казарму. Надо

торопиться — иначе скоро никого не найдешь... Но в казарме ни командира роты, ни дежурного по части не было. В комнате политпросветработы солдаты из второго взвода танцевали друг с другом под гармонию.

Стараясь не попасться на глаза старшине, Валерий выскочил из казармы, покрутился возле учебного корпуса, сходил на КПП и снова направился в штаб.

Окна казарм и офицерских домов светились, а на улице было темно и пустынно. Лишь смена караульных попала ему навстречу. Впереди шел сержант-разводящий, за ним, гуськом, трое солдат с карабинами. Они шли молча, не глядя по сторонам, и лица у них были серьезные, сосредоточенные, чуть хмурые...

Лозовский замерз и сердито шмыгал носом.

И вдруг ему повезло. Возле штаба он столкнулся с замполитом полка. Тот, вероятно, обходил казармы, поздравлял солдат с Новым годом, а теперь возвращался домой. Снег скрипел под его тяжелыми шагами — подполковник был высок и грузен.

— Товарищ подполковник, — жалобно, прерывающимся от волнения голосом сказал Лозовский, — разрешите обратиться.

— Ну, обращайтесь, ежели не шутите, — весело сказал замполит, — в чем дело, Лозовский?

До сих пор подполковник видел Валерия только один раз, когда тот был на конференции в концерте самодеятельности, и то, что теперь замполит узнал его и даже вспомнил его фамилию, сразу придало Валерию и решимости и бодрости. Он заговорил по-прежнему жалобно и торопливо, стараясь, чтобы подполковник раньше времени не перебил его. Он даже немного привирал, присочинял тут же на ходу и по его словам получалось, что железнодорожники вроде бы уже согласились ждать, и лейтенант сам послал его искать дежурного по части... Валерий не думал в эту минуту, что будет завтра, когда подполковник обязательно узнает всю правду, он думал только о том, чтобы вот сейчас, сегодня, во что бы то ни стало добиться своего...

Может быть, у подполковника было слишком хорошее настроение, а может быть, он торопился домой и ему просто надоело слушать Лозовского — только он вдруг махнул рукой и сказал:

— Так и быть. Скажите лейтенанту: можно отложить разгрузку до утра. Ведь Новый год один раз — правда?

Это было неожиданно. Это было невероятно.

Лозовский взглянул на часы: без четверти одиннадцать.

Он повернулся и помчался к железной дороге.

Ночь была лунная. И Лозовский еще издали увидел три огромных вагона, и черные прямоугольные тени на снегу, и темные фигуры солдат.

— Ребята! — закричал он. — Товарищ лейтенант!

— Товарищ лейтенант...

Он остановился и осекся на полуслове.

Он вдруг увидел ватники, брошенные прямо на снег, увидел потные, испачканные угольной пылью лица, увидел, как молча, яростно и сосредоточенно работают люди.

В каждом вагоне работали по три солдата. В вагонной темноте они были почти невидимы — и уголь, казалось, вылетал оттуда сам по себе, лопата за лопатой, лопата за лопатой он падал на растущую черную пирамиду и с шорохом осыпался вниз. Иногда куски антрацита отлетали в сторону и поблескивали на снегу...

Потом солдаты выпрыгивали из вагонов и сразу же моментально на смену им забирались другие. Все делалось легко, слаженно, быстро и бесшумно, точно это была азартная игра, захватившая всех, точно шло молчаливое отчаянное соревнование...

Неужели они надеялись кончить работу до Нового года? Но и дураку ясно, что это невозможно...

— Ребята! — снова крикнул Лозовский. — Товарищ лейтенант! Я говорил с замполитом!.. Он разрешил... До утра!..

— Да ну? — насмешливо крикнул кто-то из темноты.

— Не может быть!

— Хо! Хо! С Новым годом!

— Ого-го-го!

— Ха!

И еще что-то совсем уже бессмысленное кричали солдаты. Они разгибались на секунду, показывали в улыбке белые, как у шахтеров, зубы и снова начинали яростно взмахивать лопатами.

Лозовский растерялся: «Что, они с ума сходили?» Он ничего не мог понять, словно это были совсем чужие люди, словно он и не жил с ними в одной казарме и не сидел в одном классе...

А уголь все летел и летел из вагонов. Его швыряли сильно и резко, и иногда небольшие глыбы с лязгом сталкивались в воздухе и разлетались в разные стороны. Черные пирамиды возле вагонов все росли и росли...

Неожиданно яркий луч света, будто луч прожектора, вырвался из-за ближней сопки и вслед за ним послышался нарастающий шум.

Громяхая колесами на стыках рельс, празднично сверкая освещенными окнами, мимо летел пассажирский поезд. Одно окно в коридоре вагона было приоткрыто, около него стоял человек и курил. Белый морозный воздух клубился возле окна.

Человек увидел солдат и поднял руку.

А солдаты в ответ подняли лопаты и принялись размахивать ими.

Может быть, этот человек просто удивился, увидев сейчас, в двенадцатом часу ночи, работающих солдат?

А может быть, он хотел поздравить их с Новым годом?

А может быть, он сам недавно был солдатом и тоже стоял на посту в новогоднюю ночь?

Ведь для того, чтобы люди спокойно ездили в поездах с освещенными окнами и встречали Новый год, и танцевали, кто-то обязательно должен дежурить у экранов радиолокаторов, и грузить уголь, и стоять на постах...

Поезд промелькнул и скрылся. И солдаты снова принялись за работу.

А Лозовский молча пожал плечами, нагнулся и стал подбирать отлетевшие куски угля и бросать их в общую кучу...

ТРОЛЛЕЙБУС

В. Борисов

В синем небе облако,
Как лебедь,
В свежих лужах яркая вода.
И бежит по улице троллейбус,
В кулачках сжимая провода.
Радостный
И озорной к тому же,
Через дождь и солнце, напролом,

Налетает весело на лужи,
Вширь плеснув сверкающим крылом.
Замер,
Отражая неба ситец.
В стеклах — по смешливому лучу.
Будто хочет крикнуть:
«Ну, садитесь!
Побыстрее.
Эх, и прокачу!»

ГВОЗДЬ

А. Званов

На дороге валяется гвоздь...
Ну и что ж?
Обронил его кто-то небось...
Ну и что ж?
И не крив, и блестит, словно брошь...
Ну и что ж?
Им и ручку к лопате пришьешь...
Ну и что ж?
И починишь мостки на пруду,
И приладишь скворешник в саду,
И подправишь крепленья у лыж,
И над крышею флаг укрепишь,
И тесину к стропилам пришьешь...

Ну и что ж! Ну и что ж! Ну и что ж!
Шел дорогой Володя, да вскользь
Посмотрел он на брошенный гвоздь;
Даже руки не вынул из брюк, —
Недосуг.

И Сергей не склонился: ему,
Непутевому, гвоздь ни к чему;
Вот конфет бы рассыпали горсть,
А то гвоздь!..
И Валерик не поднял его, —
Для чего?!
И Андрей не нагнулся, увы!..
Ну, а вы?

ЛИСА И КОЛДУН

Польская народная сказка

Лето стояло жаркое. Трава в поле высохла, и листья на деревьях пожелтели. Тщетно люди молили у неба дождя — дождя не было. Каждый день крестьяне шли к старому деду, который слыл за колдуна и просили его, чтобы вызвал он дождь на иссохшие поля.

— Хорошо, — пообещал дед. — Я вызову дождь, только принесите мне сто кило груш... — Уж очень дед любил груши.

Мужики проводили деда в поле. Уселся дед поудобнее, почесал в затылке и замурлыкал:

«Иок — шмок...
Трень — чень...
Шов — бов...»

А когда люди разошлись по домам, дед сказал сам себе:

— Как я им сделаю дождь? Хоть неделю буду ворожить, все равно ни капли не упадет с такого ясного неба.

А поблизости лежала в своей норе Лиса и горевала о том, что нечем ей поживиться. Услыхала она дедовы слова и подумала:

«Подожди, дед! Я тебе устрою такой дождь, что голова закружится, уши оглохнут и глаза на лоб полезут...»

Вылезла Лиса из норы и подошла к деду:

— Низко кланяюсь вам, уважаемый! Слышала я, что вы просите у неба дождя. Я знаю много способов, как вызвать дождь. Только прошу, — об этом никому ни слова. Я забегу вечером, но приготовьте мне на ужин жареного гуся, да пожирнее. А ночью мы устроим дождь...

Обрадовался дед. Сразу побежал в корчму, заказал самого большого гуся, бочонок пива и стал ждать дорогого гостя.

Вечером пришла к деду Лиса. Наелась досьта. Выпила с дедом не один жбан пива.

— Ну как, уважаемая? — сказал дед. — Нельзя ли начать дождь?

— Пожалуй, можно... — ответила Лиса. — Подожди минутку.

Вышла Лиса в сени, а там стояла большая бочка с водой и высокая лестница вела на чердак. Лиса обмакнула хвост в воду, забралась на лестницу и крикнула:

— Смотри, какой сильный дождь!

Дед выскочил из дверей, а Лиса изо всех сил махнула мокрым хвостом деду по глазам. Дед скорее назад в избу. Лиса за ним.

— Брр.. — отряхнулась Лиса. — Собачья погода. Промокла до костей. Ну? Каков дождь?

— Да... да... да..! — обрадовался дед. — Хорошая погодка! Только вот плохо — не было

грома. Люди спят спокойно и не знают, что на дворе такой дождь.

— Правда твоя! Про гром-то я и забыла.

Выскочила Лиса во двор, схватила лопату, забралась на крышу и снова крикнула деду. Только дед из дверей высунулся, Лиса как загрохочет лопатой по крыше. Дед скорее обратно в избу. Лиса следом.

— Ну как? Слышал гром?

— Да!.. Да! Ох, и хороший гром... едва не оглох... А вот люди спят... Молнии не было. Вот если бы молнию, она бы всех разбудила...

— Ах... ай... ай! — хватилась Лиса. — Стара я стала, забывчива. Совсем забыла про молнию. Будет тебе и молния.

Вышла Лиса в сени, влезла на лестницу, лопатой на дверь нацелилась, кричит деду: «Иди скорей!»

Дед только успел голову высунуть, лиса его как хлопнет лопатой по затылку. У дедушки из глаз искры посыпались. Столько лет жил на свете, не видел еще такой молнии.

— Ну, какова молния? — спрашивает Лиса.

— Ох, хороша... И сейчас в глазах темно, ничего не вижу.

— Ах, беда какая! Ложись, уважаемый, ложись! А я сбегаю мази тебе принесу... Сразу легче станет!

Убежала Лиса, а дед ждет час, другой, третий... Вот и светать стало. Глянул дед в окошко: на дворе сухо и солнышко выкатывается. А к нему мужики идут, и не сто кило груш несут, а сто палок...

Перевел Евг. Мюссар

Гравюры К. Овчинникова

Новогодняя анкета „Костра“

В канун Нового года редакция попросила писателей, поэтов, художников, сотрудничающих в „Костре“, ответить на несколько вопросов:

Что бы Вы хотели взять с собой в наступающий год и что оставить в прошедшем без всякого сожаления?
Какой подарок Вы мечтаете найти под новогодней елкой?

Ваши пожелания ребятам на 1963 год?
Чем Вы порадуете наших читателей в новом году?

ПУСТЬ В ПРОШЛОМ ОСТАНУТСЯ ВОЙНЫ

Мир. Хотя бы такой, какой он есть сейчас. Поиски войны пусть останутся в прошлом.

Гарантию мира. С остальным как-нибудь справимся сами.

Пишу новую повесть «Шел по городу волшебник». Надеюсь опубликовать в «Костре».

Юрий Томин

Хотю оставить в прошлом году болезни и слабость.

Хотю взять с собой в наступающий год бодрость и работоспособность

Под ёлкой мечтаю найти тиньку шоколада

Много работ на 1963 году много, много хороших книг и «много порций морозеного»

В 1963 году выйдут сказки А.С. Пушкина с новыми рисунками:

В. Кошачев

Это письмо прислал нам старейший художник „Костра“ Владимир Михайлович Кошачев

НЕ НАБИВАЙТЕ КАРМАНОВ ЦЕЛЕНКАМИ

Ребята в будущем году станут ровно на год старше. Если это «старше» будет означать, что они стали «на год умнее», «на год добрее», «на год честнее», веселее, любознательнее, приветливее, вежливее, радушнее, то ведь только тогда это и будет настоящим ростом.

Кто же обрадуется, если вырастут на полметра и успешно разовьют свою глупость и злобу дуралей или жила? Им просто будет больше лет, но «старше» от этого они не станут.

Вот я и желаю моим друзьям, читателям «Костра», не просто прибавить к их годам еще один, а стать действительно старше, то есть лучше.

Новоложная анкета „Костра“

Я думаю, не все, даже самые достопочтенные читатели мои, знают, что слово «страус» происходит от греческого слова «струтос», что слово «струтос» некогда значило просто «воробей», и птицу страуса веселый народ греки называли так: «струтос омега», что, собственно, значило «воробей здоровенный».

Полагаю также — не всем известно, что слово «баловство» по-древнерусски означало «лекарство», а «баловаться» значило «лечиться». Подозреваю, что кое-кому это даже покажется довольно симпатичным.

Короче говоря, далеко не все хорошо представляют себе, откуда взялись и пошли всевозможные русские слова. Вот почему я и надеюсь, что довольно толстая книжка, которую я сейчас написал, сможет доставить ребятам кое-какую радость. Ведь это будет «Школьный этимологический словарь русского языка», а этимология и есть наука о происхождении слов.

И еще мне хочется сообщить моим будущим читателям, что словечко «шпаргалка» (надеюсь, оно будет напечатано в книге очень противным шрифтом), происходит от греческого слова «спарганон» которое значит «пеленка»... Теперь, если хотите, набивайте карманы пеленками — мы над вами посмеемся.

Лев Успенский

НИ МИНУТЫ СПОКОЙСТВИЯ

Взять — как можно больше чистой бумаги и новую авторучку для новых рассказов. Оставить — всё, что мешает работе.

Билет в кругосветное путешествие. Желательно, на двоих.

Желаю моим читателям в новом году ни минуты спокойствия.

Хочу выпустить в свет повесть «Вандербиль бежит за горизонт» и этим в основном принести радость себе, так как мне уже давно охота взяться за другие книжки.

Радий Погонин

ХОЧУ НА ЛУНУ!

Я бы взял с собой все часы и минутки, которые в прошлом году перевел зря, не на переводы. А оставил бы англо-русский словарь. Хорошо бы знать чужой язык, как свой.

Билет на Луну. (Обратный).

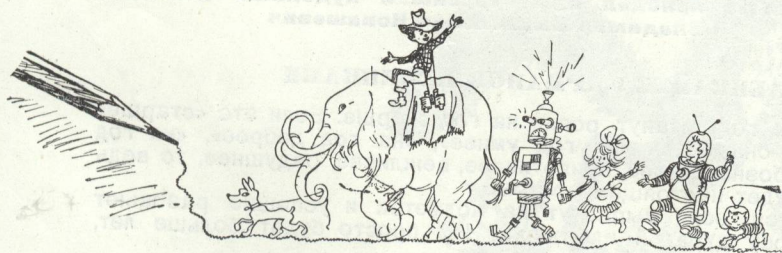
Помириться, если с кем поссорились. Получить юношеский спортивный разряд.

Выйдут две книжки английских баллад в моем переводе: «Воды Клайда» и второе издание «Баллад о Робин Гуде».

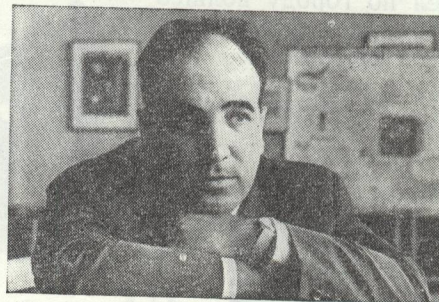
Игнатий Ивановский

Художник Борис Федорович Семенов принес в редакцию рисунок без подписи. „Догадайтесь сами, — сказал он, — на какой вопрос я ответил...“ Мы подумали и решили так:

Постараюсь порадовать вас новыми рисунками.

ПОДАРОК, О КОТОРОМ Я МЕЧТАЮ

Напрасно ребята думают, что взрослым не хотелось бы найти под елкой подарок. Еще как хотелось бы! Я был бы счастлив, если бы дед Мороз подарил мне историю замечательного, благородного поступка, который бы со-

Новогодняя анкета „Костра“

вершил один из вас, мои дорогие читатели. Очень хочется написать об этом рассказ, а может быть и повесть. Но я хорошо отдаю себе отчет, что такой подарок может сделать не дед Мороз, а кто-нибудь из вас. Я хочу пожелать ребятам совершить в новом году побольше благородных поступков. Я в этом очень заинтересован.

В новом году в журнале «Костер» будет опубликована моя новая книга «Зеленая лампа и Красная звезда». Это книга о будущем и о сегодняшнем дне, о жизни, легкой и трудной, интересной и красивой, о людях большой судьбы. Кроме того, в новом году выйдет на экраны кинофильм, созданный режиссером С. Гиппиусом по моему рассказу «Мальчик с коньками».

Юрий Яковлев

Мальчишкам желаю быть настоящими мальчишками, а девчонкам — настоящими девчонками. И вообще очень уважаю настоящих людей!

Работаю над двумя небольшими повестями: «Мальчишки умеют прощать» и «Минго — человек что надо...»

С сердечным приветом

ВЗЯТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ?

Я бы с удовольствием оставил в прошлом году хулигана Ибрагима, который живет на нашей улице. И лгунишку Светлану, свою маленькую знакомую. Но, по-видимому, этого делать нельзя. Лучше взять их с собою в дорогу, — авось, жизнь сделает и из них великодушных людей.

Я дружу с мечтою, надеждой и улыбкой. С ними и с друзьями надеюсь я быть в пути.

Под новогодней елкой я хотел бы найти сообщение ТАСС: **СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК ПОЛЕТЕЛ НА ЛУНУ!**

И НЕ СОБИРАЮСЬ РАДОВАТЬ!

От булочника ждут булок, от космонавта — космических полетов, от сапожника — сапог. А от писателя, понятно, ждут книг. Поэтому в старом году я бы хотел оставить — без всякого сожаления! — всё то, что мешает писателям писать книги: лишние разговоры, лишнюю суету, трату времени не по назначению.

Чем я собираюсь порадовать ребят в новом году? А я и не собираюсь их радовать. Я собираюсь отобрать у них ружья, самострелы и рогатки. Хочу уговорить их ходить на охоту с фотоаппаратом. Даже книжку такую написал — «Смелый фотоохотник». Здорово, наверно, на меня разозлятся!

Что же ребятам пожелать? Желаю им никогда не забывать родных лесов и полей. Сколько счастливых и радостных минут, часов и дней, не жалея, дарила им природа! Чем-то они ей за это отплатят?

Н. Сладков

Я ЗАВИДУЮ СТРОИТЕЛЯМ

Я бы хотел оставить в прошлом году мои долги, но это, к сожалению, абсолютно невозможно.

В 1963 год я взял бы с собой планы книг, которые хочется написать. Надеюсь, желание мое осуществится, и они получатся у меня хорошо.

Две вещи хотел бы я найти под новогодней елкой: газету, в которой сообщалось бы о немедленном и полном разоружении, и... лужайку, на которой могла бы играть моя дочка. Правда, эту лужайку мне пришлось бы купить, и на ней должен был бы стоять маленький домик, не правда ли?..

А. Пахомов

Мой подруга,
рисовала Андрюша
ученик 9-го класса

Новогодняя анкета „Костра“

Опыт мне подсказывает, что дед Мороз никогда не делает столь дорогих подарков. Самое большее — на что я рассчитываю — новый галстук. Но я не огорчусь: пожалуй, подарки лучше делать, чем получать.

Желаю детям всей земли прожить новый год в мире и дружбе. Играть, учиться, с удовольствием работать и ни в коем случае не скучать. Детство — это не предыстория жизни, не период ожидания. Это сама жизнь, и она должна быть полной, деятельной, целеустремленной и захватывающей, как прекрасная игра.

В 1962 году в Италии вышли мои «Телефонные сказки». Думаю, что это забавная книжка. Если бы ее написал кто-нибудь другой, я бы сказал, что это хорошая книжка.

Есть у меня еще два больших рассказа: «Джип в телевизоре» (история мальчика, который попадает в телевизор, становится электромагнитной волной и с ним происходят всякие увлекательные приключения) и «Планета новогодних елок». Это путешествие на игрушечной лошадке, написанное стихами, кото-

рые я назвал «Стихи для смеха» и «Стихи по ошибке».

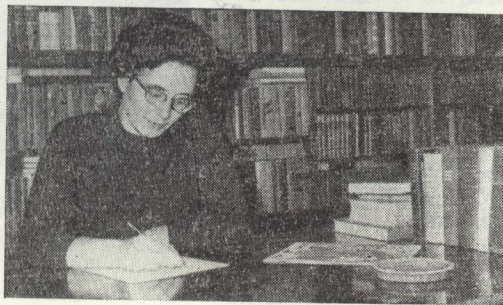
Вообще 1962 год был у меня неудачным. Я написал повесть «Торт на небе», а когда перечел ее, она показалась мне скучной, и я запер ее в письменный стол. Кто знает, когда я ее переделаю?

Потом я начал другую книжку — «Звездное такси», но она тоже не получилась и тоже попала в ящик стола. Я завидую строителям. Они с помощью отвеса всегда в состоянии проверить, действительно ли их дом стоит прямо. К сожалению, «отвес» для сочинителей сказок еще не изобретен. А скучные истории я не люблю пускать по свету.

Всё это я к тому говорю, что путь писателя усыпан не только розами. Писатель должен быть терпеливым и смело пользоваться ножами.

Поздравляю вас, дорогие друзья, с Новым годом! Тысяча вам добрых пожеланий! Выбирайте каждый — сколько угодно и что хотите.

Ваш Джанни Родари

ДЕД МОРОЗ МЕНЯ СОВСЕМ ЗАБЫЛ

О подарке под новогодней елкой даже не мечтаю. Дед Мороз совсем меня забыл. Он приходит в мой дом перед Новым годом, оставляет подарки для детей, а для меня — ничего... Это кажется мне несправедливым, потому что я написала про деда Мороза целую книжку стихов.

Дорогие читатели «Костра»! Улыбайтесь и будьте веселы, как майский день в Болгарии. Если человек всегда весел и бодр, значит он хорошо учится и трудится, значит он любит спорт и не откладывает сегодняшних дел на завтра.

Готовлю к печати книжку стихов для юных читателей. Если какое-нибудь из них будет напечатано в «Костре», оно расскажет вам о болгарских детях, которые всем сердцем любят своих советских друзей.

Теđa Милева, болгарская поэтесса

О МИСТЕРЕ МАГИОТИКЕ И ДРУГИХ ЛЮБОпытНЫХ ВЕЩАХ...

Взять — глобус. Стоит мне прикоснуться к нему кончиками пальцев, как он начинает вертеться. Тогда я становлюсь подобен космонавту, вращаюсь вокруг неделимого нашего мира, красота которого вселяет в меня надежду и радость.

Оставить — все болезни: головные боли, простуды и насморки.

Я хотел бы найти свежееотточенный карандаш. Я буду рисовать улыбающиеся физиономии с большими ушами и всякие рисовальные головоломки, чтоб развлечь вас на новогоднем вечере. И бог знает что еще.

Карандашом можно также писать стихи и рассказы. И делать сложные подсчеты. Он удивительно покладистый парень и мой очень хороший друг. Я беру его с собой повсюду.

Пусть ваши воздушные змеи и авиамодели летают еще лучше, ваши фотоаппараты снимают отлично, колеса ваших велосипедов не делают «восьмерок» и все мячи скачут прямо в руки. Ну, а если все эти вещи не будут слушаться вас, то вовсе не потому, что я плохо вам это пожелал.

Я постараюсь порадовать вас стихотворением о мистере Магиотике. Мой сын Ричард нарисовал его портрет: у него треугольная физиономия с новогодней свечкой на макушке. С ним то и дело происходят всякие неприятности. Вот почему Ричард, которому шесть лет, так его любит.

Питер Темпест

поэт, корреспондент английской газеты «Дейли Уоркер»

Небо с овчинку

Николай Дубов

Рисунки Н. Кустова

13.

Степан Степанович рассердился. Возвращаясь из областного центра, он решил заехать по пути в лесничество. До конца рабочего дня в Чугуново все равно не успеть, а здесь можно было совместить полезное с приятным: на месте проверить, выполнено ли указание о выделении участка, а потом часок-другой провести в лесу возле речки, полежать на солнышке. Такое удовольствие Степан Степанович мог позволить себе не часто. У себя в городе для этого никогда не хватало времени, да и выглядело бы не солидно. Что бы о нем сказали, если б вдруг он появился в трусах на городском пляжике среди мальчишек и девочек, играющих в волейбол? А здесь, в лесу, как говорится, сам бог велел...

Благодушное до того настроение испортили в лесничестве. Лесничий, оказалось, уехал в город, участок до сих пор не выделен, так как лесничий не согласен с данным ему указанием и поехал его опротестовывать. Во-первых, кто

спрашивает его согласия? Кому оно нужно? А во-вторых, если он и не согласен, обязан выполнять команду, а потом пускай протестует сколько влезет. Что получится, если каждый начнет рассуждать: того не хочу, этого не желаю... Работать надо, а не рассуждать.

Окажись лесничий на месте, ему попало бы по первое число, но лесничего не было, поэтому досталось Марье Ивановне (в семье Степана Степановича говорили друг другу «ты», но называли по имени-отчеству) и ни сном, ни духом не виноватому шоферу Лене. Степан Степанович жил своей работой, можно сказать, горел на работе. Каждую недоделку или срыв он так близко принимал к сердцу, что выходил из себя, и тогда, случилось, влетало не только виноватому, но и правому, если подвертывался под горячую руку. Все знали, что Степан Степанович горяч, но все также знали, что это оттого, что в работе он не терпит никакого разгильдяйства, очень расстраивается и переживает каждый такой случай.

Расстроенному Степану Степановичу уже все было не то и не так: и солнце чересчур жаркое, а вода чересчур прохладная, и луговая

Окончание. См. «Костер» №№ 10, 11, 1962 г.

трава кололась, как стерня, даже через виговое одеяло, комаров чертова пропасть, а шофер Леня уселся в стороне и демонстративно вырезает палку, обиду свою показывает...

Поэтому, когда из-за кустов появился какой-то мальчик, Степан Степанович встретил его не слишком ласково:

— Тебе чего тут?

— Сейчас скажу, — ответил Антон, деловито достал блокнот и записал номер машины. — Подберите после себя мусор. Здесь люди бьют.

— Это какие еще люди? Ты, что ли?

— И я, и другие тоже.

— Вот и подберите сами.

— Мы вас всерьез предупреждаем. А то не хорошо вам будет.

— Что? — Степан Степанович приподнялся. — А ну, пошел отсюда!

— Вы на меня не кричите, — сказал Антон. — Мы охраняем лес. И я предупреждаю: после себя никакого хлама не оставлять. А то мы сделаем так, что вы сюда больше не придете.

Степан Степанович встал.

— Ты это кому говоришь? Да ты знаешь, с кем говоришь?

У Антона пересохло во рту, он отступил, но только на один шаг. Он вовсе не хотел скандала и, конечно, не хотел, чтобы его побили, но понимал, что отступить нельзя, иначе все пойдет насмарку. А кроме того, за кустом стоит Юка, она все видит и слышит, увидит и услышит, как он сдрейфил, отступил перед этим брюхоноцем...

— Вы мне не грозите, я вас не боюсь. А полезете драться — пожалеете...

— Вот я тебе... Я тебе сейчас покажу...

Степан Степанович сжал кулаки и шагнул вперед. Антон коротко резко свистнул. Напролом через куст к нему бросился Бой. Он взглянул на Антона и уставился на голого незнакомого человека, шерсть на загривке начала подниматься.

— Лучше не подходите! — побелевшими губами сказал Антон.

Он совершал непоправимое, ужасался этому и не мог сделать иначе. Он хорошо помнил запрет дяди Феди: ни в коем случае не давать команду «фасс!», но знал, что если брюхтей ползет драться, он эту команду даст, а что произойдет тогда, об этом даже страшно было подумать...

— Ты... ты...

Больше Степан Степанович не мог произнести ни слова. Но и этого было достаточно: верхняя губа Боя поднялась, обнажая верхковые клыки.

Степан Степанович задышался от ярости, кулаки его тряслись, но он не двигался. Он вдруг понял, что ничего не может сделать. Будь он у себя в кабинете, за столом, он бы закричал, позвонил, куда следует, и всё немедленно было бы сделано... Но здесь не было ни стола, ни секретарши за обитой войлоком и клеенкой дверью, ни телефона. У него не было никаких атрибутов власти и никаких возможностей показать, что он этой властью обладает. Он был один. И он был голый. На нем не было ничего, кроме трусов, и Степан Степанович впервые понял, какой у него большой, мягкий и совершенно беззащитный живот. А напротив стоял какой-то сопливый мальчишка, он не знал, кто такой Степан Степанович, поэтому несколько не боялся его, и Степан Степанович не мог этого мальчишку вздуть, потому что рядом с ним гнусный черный зверь скалил верхковые клыки. Зверю наплевать на должность Степана Степановича, его авторитет и положение, он в любую секунду может броситься и впиться своими клыками в горло. Степан Степанович с ужасом понял, что это не только нестерпимо само по себе, он не только беспомощен и беззащитен, он смешон и — что самое скверное — за спиной стоят свидетели его неслыханного и смешного унижения: Марья Ивановна и шофер. У шоферни языки, как на подбор. Кого хочешь просмеют. Этот — тихоня, но все они хороши. Уж прославит, развонит...

Сколько он стоял так: час, три, бесконечные солнечные сутки? Или всего три секунды?

По ушам хлестнул пронзительный визг, хлопнула дверца машины. Уже из этого надежного укрытия Марья Ивановна закричала шоферу:

— Леня! Что ж ты стоишь и смотришь?!

Шофер положил нож в карман, перехватил палку поудобнее и направился выручать своего начальника, но не слишком поспешно — размеры собаки и клыков он оценил издали. Таких он никогда не видел, но знал — даже одна овчарка, играючи, справится и с тремя мужиками, если у них нет огнестрельного оружия. А у него была только легкая палка, вроде тросточки...

— Кш! — сказал он. — Пшла, ну!

— Бросьте палку! — крикнул Антон.

Он опоздал. Бой взметнулся в прыжке, схватил палку возле самой руки шофера и, едва не опрокинув его, вырвал.

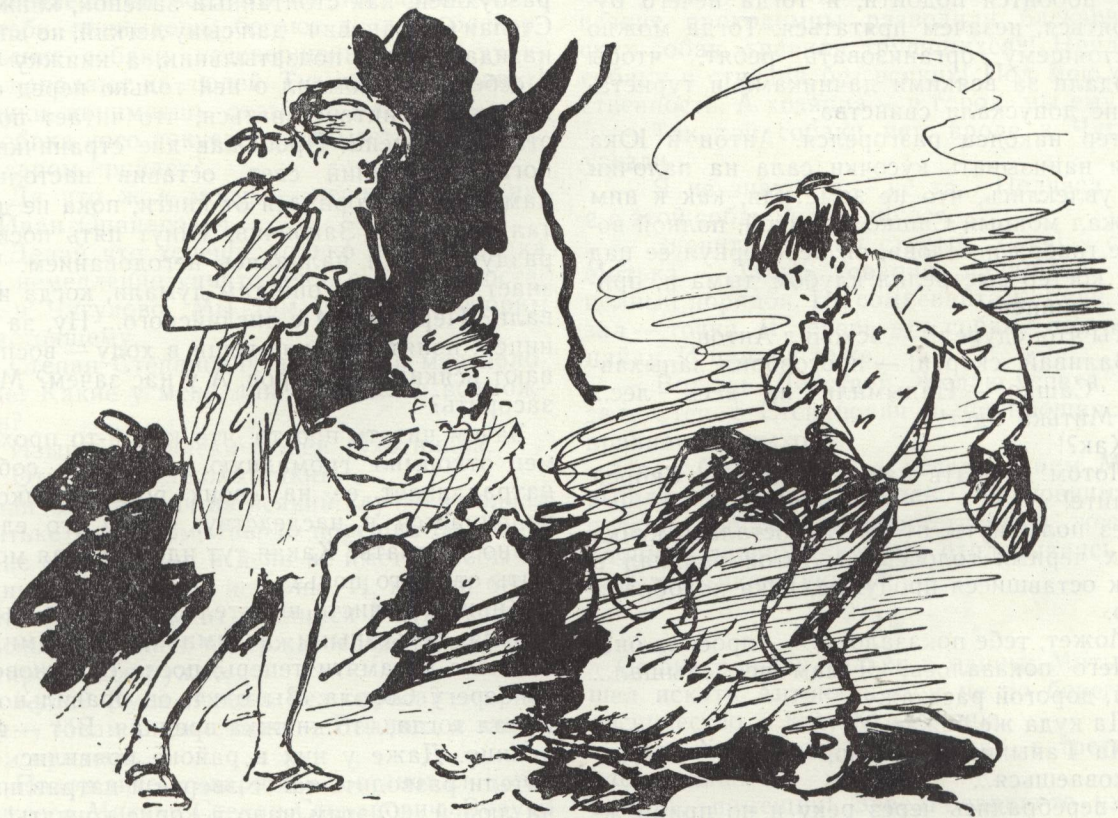
— Бой, ко мне! — отчаянно закричал Антон.

Бой вернулся к нему, бросил палку и снова оскалил клыки.

Побледневший шофер улыбнулся кривой, пристыженной улыбкой.

— Ну ее к богу в рай! — сказал он. — Что я, нанимался с собаками воевать? Мое дело машину водить...

Степан Степанович разъяренно посмотрел на него, сделал три попятных шажка, потом повернулся и, поглядывая через плечо, поспешил к своей одежде.

— Слышь, парень, уведи свою собаку, — сказал шофер. — И что ты, в самом деле, на людей такого черта натравливаешь?

— Я не натравливаю, — сказал Антон. — Не трогайте меня, он вас не тронет.

Победа была полной, теперь он не боялся никого и ничего.

— Мне нужно, чтобы хлама после себя не оставляли...

Шофер оглянулся на пиршественную скатерть.

— Ну, соберем, большое дело, подумаешь...

— Вот я и подожду, посмотрю, как вы соберете.

Степан Степанович кончил одеваться и сел на свое место рядом с водительским. Марья Ивановна «ни за что на свете» не хотела выйти из машины. Леня свернул в узел все оставшееся на скатерти, подал ей. Потом он сгреб бумаги, пустые консервные банки, запихал себе

под сиденье, сел и завел мотор. Сунув кулаки в карманы, Антон вприщурку наблюдал.

«Козел» тронулся, но, поравнявшись с Антоном, по знаку Степана Степановича остановился. Степан Степанович был одет, и хотя находился не в кабинете со всемогущим телефоном, а всего-навсего на переднем сиденье

«козла», он уже не боялся. Вместе с этим сиденьем и штанами к нему вернулась уверенность в себе и непреклонная вера в то, что как скажет он, Степан Степанович, так и будет.

— Ты чей? Откуда? — слегка приоткрыв дверцу, резко и властно спросил он. — Из села? Лесничества?

— А это не ваше дело, — сказал Антон, — вам знать незачем.

— Ничего, стервец, тебя найдут, не скроешься!

Дверца захлопнулась, «козел» заковылял по кочкам к лесной дороге.

Юка ужасалась и восхищалась, Антон скромно сиял.

Насмеявшись, они выкупались, почувствовали голод и, чтобы приготовить «шашлык по царски» по способу Сергея Игнатьевича, пошли к скале, где были спрятаны Антоновы припасы. Разжигать костер не умели ни Антон, ни

Юка, он разгорался плохо, дымил, оба по очереди раздували его, наперебой кашляли и чихали, но это несколько не огорчало, а только смешило еще больше. Все было хорошо и весело. День склонялся к вечеру, а вместе с ним должны кончиться все несчастья и напасти. Ружье у Митьки отберут, без ружья он и на версту побоятся подойти, и тогда нечего будет бояться, незачем прятаться. Тогда можно по-настоящему организовать ребят, чтобы наблюдали за всякими дачниками и туристами и не допускали свинства.

Костер наконец разгорелся. Антон и Юка начали нанизывать кусочки сала на палочки и так увлеклись, что не заметили, как к ним подбежал мокрый Сашко с кепкой, полной воды. Не говоря ни слова, он перевернул ее над огнем, костер выстрелил клубом дыма и, пригасая, зашипел.

— Ты что, сдурел? — вскочил Антон.

— Заливай, скорей! — проговорил запыхавшийся Сашко. — Надымили на весь лес... Сюда Митька идет!

— Как?!

— Потом! Бежать надо, ховаться... Скорей заливайте!

Через полминуты от костра осталась кучка мокрых черных головешек. Антон запихал в рюкзак оставшиеся продукты, Юка подобрала одеяло.

— Может, тебе показалось? — спросила она.

— Чего показалось? Я сам все слышал...

Бежим, дорогой расскажу...

— Да куда же бежать?

— На Ганыкину греблю, больше некуда. Там сховаешься...

Они перебрались через реку и по прибрежной тропке побежали вдоль гранитного обрыва влево, вверх по течению Сокола.

Всю вторую половину дня Сашко околачивался неподалеку от сельсовета. Им руководил строгий расчет. Правление колхоза находилось рядом, отец обязательно должен подъехать к правлению, а с ним и Митька Казенный, если он вернется. Он, наверное, зайдет к председателю, и тогда сразу будет видно — отберет Иван Опанасович ружье или нет. Некоторое время он терзался сомнениями — все-таки подглядывать и подслушивать вроде нехорошо. Ну, а если для пользы дела? Особенно, если надо помочь товарищу? Разведчики, они же подглядывают и подслушивают, и никто не говорит, что это стыдно. Наоборот! А чем он не разведчик! Придумав такое объяснение, Сашко уже без всякого зазрения совести подслушивал и подглядывал. Услышал он не всё, но и услышанного было достаточно, чтобы испугаться.

Степан Степанович всю дорогу до Ганешей молчал и старался вспомнить, как называлась та книжка... Книги читать было некогда — да он и не очень любил: сплошные выдумки, из головы все сочиняют, а не настоящую жизнь описывают, — но эту случайно прочел. Застав сына вместо уроков за этой захватанной и разбухшей, как стоптанный валенок, книжкой, Степан Степанович дал сыну легкий, но вполне назидательный подзатыльник, а книжку унес к себе. Он вспомнил о ней только перед сном и решил поинтересоваться, что читает подрастающая смена. Пробежав две странички, он погасил верхний свет, оставив настольную лампу, и не оторвался от книги, пока не дочитал до конца. Закончив, минут пять посидел, раздумывая и наливаясь негодованием. Черт знает что! О чем они там думали, когда издавали? Переводили с английского... Ну, за границей, понятно, такие вещи в ходу — воспитывают всяких гангстеров. А у нас зачем? Мозги засорять?

Зачем читать про то, что какой-то проходец откормил громадную страшную собаку, натравливает ее на своих родственников и подбирается к наследству, чтобы его единолично захватить? Какая тут идея? Какая может быть от этого польза?

Книжка начисто вылетела из головы, вытесненная серьезными делами и заботами, но всплыла в памяти теперь, после столкновения на берегу Сокола. Выходит, он правильно подумал тогда, что книжка вредная. Вот — факт налицо. Даже у них в районе появились любители разводить такое зверье и натравливать на людей... С этим надо в корне кончать! Вот только как называлась та собака?..

Лишь поднимаясь на крыльцо сельсовета, он вспомнил, хмуро кивнув вышедшему навстречу Ивану Опанасовичу, он прошел впереди него в кабинет, отодвинул разложенные на столе бумаги.

— В кабинете отсиживаешься? В бумажках зарылся? Что у тебя с собаками делается?

Иван Опанасович остолбенело посмотрел на него. Показались они с этими собаками сегодня, что ли? То один, то другой... Или, может, ему уже сообщили и про малого Хомку и про Митьку?

— Так а что ж с собаками? — неуверенно протянул он вслух и на всякий случай соврал: — Вроде ничего не делается.

— Вот именно — ничего! У кого здесь собака есть черная, здоровая, как теленок?

— У нас больше рыжие. И маленькие. То, может, в лесничестве завели?

— Может... может... — раздраженно повторил Степан Степанович. — Знать должен, а не гадать!

— Так что ж меня тут поставили собак считать, что ли?

— Ты не выкручивайся! Лесничество — твое хозяйство, твоя территория или нет? Значит, ты отвечаешь за все, что на ней происходит. А у тебя, понимаешь, бегают по лесу баскэрвилльские собаки, несовершеннолетние хулиганы нападают на людей. Тут же люди живут! Дачники, понимаешь, отдыхают, дети... А если эта собака кого покусает, загрызет? Думаешь, тебе даром пройдет?

— Да что ж я могу... — нерешительно начал Иван Опанасович.

— Делай что хочешь, только чтобы собака была немедленно уничтожена, а хозяин доставлен в Чугуново. Мы там с ним поговорим по-настоящему.

— Степан Степанович, войдите в мое положение! Какие у меня для этого дела возможности?

— Изыщи, привлеки людей. Охотников.

— Откуда в селе охотники?

Иван Опанасович на всякий случай умолчал о Митьке Казенном, твердо порешив больше с ним не связываться и дела не иметь, чтобы не влипнуть в скверную историю. И, как на беду, именно в этот момент ввалился Митька, победоносно ухмыляясь и держа перед собой отремонтированное ружье.

— Куда? Куда лезешь без спроса? — крикнул ему Иван Опанасович. — Видишь, я занят, потом придешь...

— Подождите, товарищ, — остановил попятившегося Митьку Степан Степанович. Будучи человеком решительным и последовательным, он считал, что нужно ковать железо, пока горячо, и каждое дело доводить до конца. — А ты говоришь, в селе охотников нет! — повернулся он к Ивану Опанасовичу. — Инициативы у тебя нет, председатель, вот что! Вы охотник? Да что вы там стоите? Подходи ближе.

— Да так, — Митька нерешительно повел плечом, — трошки. Баловался когда-то... — Подожди ближе он не решался: знал, что от него за версту несет перегаром.

— Стрелять умеешь? Не промахнешься?

— Ну уж, это уж... — Митька так хвастливо ухмыльнулся, что все сомнения в его способности стрелять отпали.

— Так вот: считай, что получил персональное задание. По лесу здесь шатается какой-то малолетний хулиган. Видно, приезжий, одет по-городскому. Какой-нибудь, понимаешь, будущий стилига. Ходит с собакой, натравливает ее на людей. Большая такая, черная...

— Я эту сволочь знаю, — сказал Митька, зло ощерясь, — она на меня кидалась, чуть глотку не перекусила...

— Вот видишь! — торжествуя и негодуя, сказал Степан Степанович председателю. — А ты, понимаешь, мягкотелость тут разводись. С такими вещами надо в корне кончать! Что у нас, — капиталистическая страна, чтобы всякие проходимцы разводили баскэрвилльских собак, травили трудящихся? Найди эту собаку и стреляй без всяких! Под мою ответственность. А хозяина — в город, мы ему там... — Так той собаки нет, вроде в Чугуново увезли.

— Я не знаю: та — не та... Полчаса назад я с этой собакой столкнулся...

— Значит, сбrehал старый хрыч! — сказал Митька. — Ладно, товарищ начальник, будет полный порядок. Не сомневайтесь. Если я скажу — точка. Я теперь эту собаку под землей найду. И пацана тоже...

— Вот так. Действуй. Желаю успеха, — сказал Степан Степанович и, не прощаясь, направился к выходу.

Иван Опанасович, а вслед за ним Митька вышли на крыльцо. Степан Степанович сделал ручкой прощально-приветственный жест, захлопнул дверцу; «козел», отплеываясь синеватым дымком, укатил.

14.

Сашко ошибся только в одном: Митька пошел искать Антона и Боя не по берегу, а в лесничество, к деду Харлампью.

Дед Харлампий, как всегда, встретил его насмешливо.

— А, помещик! Завел псарню-то уже, ай нет?

— Ты, дед, зубы не скаль. Серьезный разговор будет. Ответственный.

— От тебя сурьезом за версту несет.

— Не твое дело. Не на твои пил, на свои.

— Ну, своих-то у тебя, кроме ворованных, сроду не было.

— Ты меня поймал?

— Не я, — другие поймают. Глаза у тебя завидующие, а лапы загребущие. Попадешься!

— Шо ты мне шарики крутишь? Я тебе говорю — ответственный разговор. Я тебя спрашиваю, а ты мне отвечай. Понял, нет? Ты зачем про пацана набrehал? Который с собакой.

— А я не бrehал. Уехали они. Второй день нету.

— Бrehешь, старый хрен! Ты мне всю правду говори. Понял, нет? Я теперь имею полное право. Персональный приказ: собаку застрелить, пацана предьявить... А знаешь, кто приказал? Сам Степан Степанович... Понял, нет?

— Но? — прищурился Харламий.

— Вот тебе и «но»! Ты, дед, не скалься, тебя тоже привлекут — будь здоров! Понял, нет? Где тот клятый пацан и та собака? Их сегодня в лесу сам начальник видел.

— Вот ты бы у него адресок и спросил, а то сюда пришел. Здесь их нету и не было. Хочешь, иди в избу, ищи. Только гляди, Катря моя, кроме грома небесного, ничего не боится и может обыкновенным манером поломать ухват об твою умную голову...

Митька несколько минут стоял, покачиваясь и тупо глядя на Харламия, потом длинно выругался и пошел к шоссе.

Подождав, пока он скроется за деревьями, дед поспешил в хату. Над Митькой он издевался искренне и даже с удовольствием, но угрозы по адресу Боя и Антона встревожили его. Пусть угрозы эти — наполовину пьяное бахвальство, но дыма без огня не бывает, а если дуrolому дали ружье, он может такого натворить — святых выносить... Следовало посоветоваться, а посоветоваться, кроме жены, было не с кем, и дед Харламий изложил ей

все, что уловил из пьяного бормотания Митьки. Тетка Катря пришла в неистовство.

Она так и думала, что добром не кончится! Где это видано, чтобы бросить малого хлопчика, а самому уехать? Ни стыда не стало у людей, ни совести! Ну, пускай только приедет, она ему сама очи выцарапает за такое отношение до бедного хлопчика... А он тоже хорош! Сидит тут, как поганый гриб, толку от него ни на грош. Что он, сам не понимает, что надо этого хлопчика сейчас же разыскать? Он же там вторые сутки где-то мается не пивши, не евши, может, уже спал на сырой земле и насмерть простудился... И чего он тут торчит, таращит свои бельмы, вместо того, чтобы бежать, искать хлопчика и вести его сюда? И пусть тогда этот бандюга Митька только сунет свой нос! Да она ему глаза выцарапает, киятком ошпарит!.. Где это видано, чтобы бросали одного беззащитного хлопчика и не сумели его оборонить от какого-то пьянчуги и разбойника?

...Как бы ни старался человек, он не может пройти по лесу, не оставив следов. Костер, оброненная или заброшенная вещь, сломанная ветка, клочок бумаги, спичка, примятая трава, — да мало ли что еще, незначительное и незаметное ему самому, — выдаст его присутствие другому человеку с глазом опытным и внимательным.

Идя от гречишного поля по берегу, Харламий очень быстро нашел залитый костер. Головешки были уже холодными и сухими, но зола под ними мокрой. На прибрежном иле видны были отпечатки широких, в кулак, собачьих лап. Дальше на тропе следов не было. Харламий по камням порога перебрался на левый берег. Здесь тоже виднелись отпечатки собачьих лап и следы детских ног. Их оказалось много. Совсем маленькие в тапочках, побольше босые и отпечатки башмаков. Следы могли остаться здесь в разное время от разных ребят, и Харламий решил идти по собачьим. Следы уводили от реки. Влажная черная почва сменила супеси, сосны исчезли, вместо них появился орешник, ольха, потом осина, верба и, наконец, начались заросли тальника. Следы делались все отчетливее и свежее —

в низких местах они даже не успевали налиться водой. Это были отпечатки все тех же собачьих лап и трех пар детских ног. Значит, Антон был не один, а еще с двумя ребятенками, и все они шли к Ганыкиной гребле.

Здесь Харламий знал каждый куст, легко находил следы и уверенно шел по ним. Выйдя на прогалину меж кустами, он услышал треск и остановился. Оскалив пасть, к нему галопом летел черный пес приезжих. Харламий с детства был не тверд в вере, навсегда покончил с богом и чертом в юные годы своего красноармейства, но тут вдруг сама собой скороговоркой забормоталась молитва, хотя и несколько своеобразная:

— Ну, нечистая сила, мать пресвятая богородица! Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его...

Бой подбежал, но не только не проявил враждебных намерений, а напротив — и хвостом и оскаленной пастью изъясил свое удовольствие от этой встречи.

— Узнал, чертяка! — обрадовался Харламий. — Ну, ну, давай веди к своему хозяину, где он схоронился...

На пригорке из-за кустов появился Антон, за ним Юка и Сашко.

— Дедушка Харламий! — удивился Антон. — Как вы нас нашли?

— Ну, вы такую дорогу протоптали, только слепой да пьяный не найдет... Ну, ладно, это дело — второе. А первое: ты, брат, — дуралей! Ты что ж мне сразу не сказал? Гляди, и не пришлось бы мыкаться так-то...

— Я не успел, надо было спрятаться скорей... Вы ж не знаете...

— Знаю. Собирай свои вещички и пошли к тетке Катре...

— Нельзя, — насупившись, упрямо сказал Антон. — Я здесь буду прятаться, — и объяснил, почему он не может, даже не должен идти домой.

Дед Харламий раздумывал, что-то взвешивал про себя, даже морщился и покряхтывал при этом и, наконец, решил.

— Ну ладно, до завтра я тебя спрячу — ни один леший не сыщет. А завтра поеду в Чугуново, разыщу твоего дядю Федю — пушай сам тут распутывается... Вы б, ребятки, шли домой, а? Скоро темнеть начнет...

— Ой, мы хотим посмотреть!

— А чего тут смотреть? Я кина показывать не буду. Меньше глаз — меньше языков, оно всегда лучше.

Антон перехватил обиженный взгляд Сашка и сказал:

— Они ребята надежные, не трепачи.

— Ну ладно! Только глядите, ребятки, — язык держать за зубами.

Харламий повел их к кустам на самом берегу, подвернул штаны выше колен и полез прямо через кусты в воду. Лез он так осторожно, что ни одна веточка не надломилась. Ветки тотчас сомкнулись за ним, и только чавканье ила, бульканье воды свидетельствовали, что за кустами кто-то есть.

— Ну и комаров здесь!

Юка сердито обшлепывала ладонями свои голые ноги. Антон достал нож, срезал с куста ветку и протянул ей.

— На, обмахивайся...

Шум за кустами затих. Через несколько минут голос деда Харлампия долетел справа. Ребята побежали на зов. Дед по пояс возвышался над прибрежной полосой аира в нескольких метрах от того места, где скрылся в кустах.

— Давай, Антон, веди своего чертяку сюда. Тут не топко, не увязнешь...

Антон снял башмаки, подвернул брюки и, стараясь не ломать мягкие зеленые стебли аира, пошел к деду. Бой побрел за ним.

Дед не стоял на камне, как подумал Антон, а сидел в лодке. В сущности, это была не лодка, а большое прямоугольное корыто или ящик. Как видно, строитель диковинной посудины полностью пренебрег и красотой форм и гидродинамическими качествами. Неуклюжая лохань держалась на воде и с натугой могла даже плыть по ней, но со скоростью не большей, чем у бревна. Харламий слез в воду, ухватился за борта.

— Ну, вот мой карапъ. Хорош? — сказал дед Харламий. — Подсаживать его али как? — кивнул он на Боя.

— Зачем? Он сам. Только чтобы не опрокинул... — сказал Антон и хлопнул по днищу лохани: — Бой, давай. Барьер!

Бой взметнулся над водой, прыгнул и едва не утопил дедов корабль. Антон поспешно ухватился за борта лохани. Наконец строптивая посуда успокоилась, Антон, а потом дед осторожно влезли в нее. Лодка глубоко осела, но осталась на плаву — до поверхности воды было пальца два.

— Ты гляди, не шибко ворочайся, а то, коли опрокинемся, будет нам вечная память без надгробного рыдания... Тут ни плавать, ни идти.

Антон посмотрел через борт. Со дна поднимались воздушные пузыри, в воде виднелись корневища, путаница каких-то ветвей, побегов. Озеро зарастало. Там и сям возвышались над водой мохнатые кочки, появлялись островки камыша, обугленными шишками

помахивал рогоз, а кое-где уже кучились прутья тальника, пряча от солнца алюминиевую изнанку своих острых листьев.

— Откуда у вас эта лодка? — спросил Антон.

— Это мне один леший по знакомству построил. Вот когда у него выходной, мы с ним и прохладяемся, по озеру раскатываем, — отшутился дед Харламий. Распространяться на эту тему он явно не желал.

Дед Харламий был завзятым рыболовом. В Соколе рыба перевелась. И тогда дед Харламий начал раздумывать о Ганыкиной гребле.

С превеликим трудом по секрету от всех дед издалека привозил в завязанном мешковинной ведерке живых карасей, потихоньку пробирался к озеру и выпускал новоселов. Однако, стоя на берегу, не узнаешь, прижилась рыба или нет. Вот тогда-то дед и решил построить себе лодку. Но тоже потихоньку, чтобы не подняли на смех. Никакого опыта в судостроении у Харламия не было, постройка заняла все лето, а когда закончилась, сооружение оказалось до того неказистым и топорным, что даже автор удивился его несурности: корыто — не корыто, лохань — не лохань, но и не лодка во всяком случае. Дед Харламий расстраивался недолго, так как умел во всем находить смешное.

— Ладно, — сказал он себе, — мне на ней девок не катать, рекорды не ставить. По мне хоть валенок, лишь бы не тонул...

Он давно приглядел для своей посудины такой глухой, заросший кустами и камышом угол, что откуда ни зайдешь — лодки не видно. Для страховки он еще завалил ее сверху прошлогодним камышом. Пользовался он ею редко, пробирался к ней с осторожностью, стараясь следов не оставлять. Ему удалось сохранить в тайне существование лодки, но, самое главное, удалось убедиться, что караси прижились и размножились. Однако дед не спешил обнародовать свои успехи, а поджидал конца лета, когда доказательства успехов станут многочисленнее и крупнее. Вот почему он долго колебался, прежде чем показать лодку, и совсем не хотел объяснять, для чего она появилась на озере.

— А куда мы плывем, на тот берег? — спросил Антон.

— Берег можно кругом обойти. На остров. Вот он, — оглянувшись через плечо, ответил дед.

Через несколько минут лодка ткнулась тупым носом в берег. Бой обрадованно прыгнул на землю.

— Ну вот, — сказал Харламий. — Тут Митька тебя только из пушки достанет или

ракетой. А их у него покуда нету... Однако на берегу ты не шибко крутись, иди-ка вон туды — видишь, четыре вербы растут. Там у меня шалашик есть, там и располагайся... Бывай здоров, тут тебя никто не обидит. А мне пора — пока карапь приберу, совсем стемнеет...

Антон, сопровождаемый Боем, скрылся в кустах тальника, дед сел в свой «карапь» и поплыл обратно. Укрыв лодку, дед прежним путем выбрался через кустарник.

— Дедушка, — подбежала к нему Юка, — вы его на острове оставили, да? А какой это остров, необитаемый?

— Почему? Обитаемый. Комары там обитают. Мыши есть. Ну и — коза...

— Коза?! — изумленно распахнула глаза Юка. — Зачем там коза?

— Не свойская, дикая коза. Косуля — поученому.

— Ой! — восхитилась Юка. — Вот бы посмотреть! Я только в зоопарке видела... А зачем она там?

— Зачем, зачем... Забрела зимой сдуру, корма там много. А весной лед растаял — куда она денется? Тут ни человек, ни зверь не проберется, запутается, увязнет... До зимы поживет, там ее никто не тронет, а потом уйдет, куда хочет.

— Бегите-ка домой, ребятки. Только поаккуратней и — молчок! Не заблудитесь?

— Еще чего! — сказал Сашко. Дед направился к Соколу. Сашко повел Юку в Ганеши напрямик, через лес. Всю дорогу они опасливо оглядывались и прислушивались — не крадется ли Митька Казенный?

15.

В дверь сарая пробрался рассвет. Уткнувшись носом в подушку, Галка громко сопела. Юка поспешно натянула платье, тапочки, выбежала на улицу. Все село спало, кроме коров, их хозяек и Семена Версты. Он уже брел за своим маленьким стадом, волоча по пыли тощую змею кнута.

Юка подбежала к хате Сашка. На дворе было уже совсем светло, но за закрытыми окнами еще прятались сумрачные остатки ночи, и Юка ничего не рассмотрела. Стучась она не решалась и нетерпеливо вертелась возле хаты. Оказалось, Сашко не спал. Он перепрыгнул с улицы через перелаз.

— Ты куда это ходил? — спросила Юка.

— Значит, надо было. А ты чего?

— За тобой. Пойдем уже. Надо ведь узнать, как там Антон! Я прямо спать не могла, все думала и думала. Мы напрасно ушли, надо было с ним остаться.

— Ну зачем мы пойдем? Все равно на остров нельзя.

— Так мы покричим... Хотя нет, кричать тоже нельзя. Ну, мы хоть посмотрим. Там ведь не такое большое расстояние, увидеть можно. Мы быстренько — туда и назад.

— Ладно, пошли, — сказал Сашко, — только пойдем не по улице, через огород...

Они молча миновали огород Сашковой усадьбы, потом еще чей-то и только на выходе из села Сашко, который все время шел обиженно надутый, вдруг улыбнулся и сказал:

— А знаешь? На нашего голову снова карикатуру прилепили.

— Ну?

— Ага. Я вот только что мимо шел, гляжу — висит.

— Ой, давай сбегает, я хочу посмотреть!

— А чего там смотреть? Такая самая, как вчера. В точности.

— Но я же не видела!

— Не, — посерьезнел Сашко, — нельзя. Увидят нас, подумают — это мы...

Юка вздохнула и согласилась. Они пошли дальше. Дорога сейчас показалась ей значительно короче, чем вчера вечером. Быть может потому, что была уже знакома, а может и потому, что теперь было светло и совсем не страшно. И озеро показалось значительно меньше, а вот остров, плохо различимый в

сумерках, оказался длиннее и больше. Почти весь он зарос деревьями, кустарником, и не всюду можно было различить его границы: тальник, разросшийся на кочках, аир и рогоз скрадывали его очертания.

Как ребята ни вглядывались, как ни напрягали зрение, Боя и Антона не было видно.

— Спят, как куры, — сказал Сашко.

— Хорошо, если так... — встревоженно сказала Юка.

Сашко влез на старую вербу, но и оттуда ничего не увидел.

— Я так беспокоюсь, так беспокоюсь... — сказала Юка.

— Может, все-таки крикнуть?

— Ну да, а вдруг этот гад где-нибудь близко?.. Давай помахаем...

Они махали руками, Сашко снял рубашку и покрутил над головой, будто разгонял голубей. Никакого ответа не последовало.

— Что же теперь делать? — упавшим голосом спросила Юка.

— А что мы можем делать? — мрачно ответил Сашко. — Приедут дед Харламий и дядя Федя, тогда...

— А мы будем ждать? А если с Антоном что случилось? Может, он заболел, может... Надо ехать к нему!

— Еще чего!

— А как же? По-твоему, сидеть сложа руки, да? Не помочь товарищу?

— Дед Харламий сказал, чтоб лодку не трогали и к ней не лазили.

— А если нужно?

— Да ни зачем не нужно! Ты просто хочешь посмотреть остров и ту козу...

— Ну... хочу, — слегка смутилась Юка. — Только это совсем не главное! Ради этого я бы не просила... И вообще просила бы не тебя, а дедушку. Он меня возьмет. Что ему, жалко? А сейчас я про Антона думаю, а вовсе не про козу! А ты бессовестный, если так думаешь.

Вся рассудительность и солидность, какие были в Сашко заложены и восприняты им от отца, восставали против поездки. Но какой бы довод ни приводил Сашко, Юка немедленно находила противоположный и доказывала, что ехать нужно, абсолютно необходимо. Когда все доводы были исчерпаны и не поколебали стойкости Сашка, Юка пустила в ход самый коварный:

— Ты просто боишься! Ты трус, и больше ничего!

Такого удара Сашко не выдержал.

— Ладно, пошли. Ну, смотри, попробуй потом чего говорить! — зло сказал он и даже показал кулак.

Они долго ходили по берегу и никак не могли отыскать место, где дед прятал свою лодку. Трава, примятая ими вчера, распрямилась, следы Боя и Антона в иле затянуло грязевой жижей, а кусты были похожи один на другой. Наконец Сашко остановился: на одном из кустов, которые росли большой густой купой, была срезана ветка. Вчера Антон срезал ветку для Юки, значит, это то самое место.

Сашко осторожно полез в кусты, Юка начала пробираться следом, заторопилась и, ломая ветки, упала. Короткий рукав платья, задетый сучком, разорвался до шеи, лохмотья повисли, как свиные уши. Во всю длину руки тот же сучок ссадил кожу, в ссадине начали быстро-быстро проступать крохотные капельки крови. Ссадину жгло огнем, на глазах Юки выступили слезы, но, встретив испытующий и злорадный взгляд Сашка, она как ни в чем не бывало собрала лохмотья в кулак.

— У тебя булавки нет?

— Сроду они у меня были?

Под ногами хлюпало и чавкало. Старые стебли камыша, корневища устилали дно, прогибались под ногами, но не позволяли увязнуть в иле. Ребята разгребли камыш, забрались в лодку. Сашко, упираясь лопатой-веслом в кочки, вывел ее из зарослей. Грести он не умел, а у лодки оказался подлеший характер — вперед она не двигалась,

но зато, как вьюн, вертелась из стороны в сторону. Сашко запыхался, взмок и, разозлившись, бросил лопату на дно лодки. Юка подобрала весло, попробовала грести сама. Лодка продолжала вертеться, но все же начала продвигаться вперед. Шла она не носом, как полагается, а боком и в таком темпе, что Сашко фыркнул:

— Вторая космическая скорость!

Наконец несуразный бокоплав деда Харламия причалил к острову. Ребята подтянули лодку, чтобы она не уплыла, и, пробираясь через кусты, побежали к купе деревьев, стоящей на взгорке.

— Антон! Бой! — негромко позвала Юка.

В ответ раздался тяжелый топот, навстречу им вылетел хакающий Бой. Молотя хвостом кусты, он лизнул Юку в лицо и помчался обратно.

— Вот молодцы! — сказал Антон, улыбаясь. — Я так и знал, что вы приедете.

— Ну как тебе тут? — спросила Юка.

— Полный порядок! Спал во дворце имени деда Харламия. Прима — люкс!

Юка немедленно залезла в крохотный шалашик из веток тальника, полежала на шумящей жухлой листве.

— Мне бы здесь пожить! — завистливо вздохнула она, вылезая. — А что? Попрошу дедушку, он меня возьмет с собой, и всё.

— Чего это ты рваная? Подрались, что ли?

Юка покраснела и собрала в кулак лохмотья.

— Ты ее видел?

— Кого?

— Как, ты даже не знаешь? Тут же дикая коза!

— Нет тут никакой козы.

— Есть, — сказал Сашко, — дед говорил и — вот, — показал он на засохшие козыши орешки.

— Пойдем поищем. Мы хоть издали посмотрим, немножечко...

— Нельзя, — сказал Сашко, — собака может загрызть, если найдет.

— Нет, я не дам, — сказал Антон. — Сейчас...

Он отстегнул ремни рюкзака, связал их петлей и надел на шею Бою. Получилось что-то вроде ошейника.

— Пошли. Рядом, Бой!

Бой посмотрел на него, вильнул хвостом, и они двинулись. Иногда, чуя след, Бой утыкался носом в землю и устремлялся вперед, тогда все трое вцеплялись в него и придерживали. Остров густо зарос кустарником. Они запыхались, исцарапались, но так козы и не увидели.

— Хватит! — сказал Сашко. — Не будет дела. Мы же шумим, как на свадьбе, она слышит и убегает. Что она, дурная, что ли, чтобы к нам идти? И домой пора, вон уже солнце где...

Солнце стояло в зените. Как ни обидно было Юке уезжать, не повидав дикую козу, уезжать пришлось.

— Наверно, дедушка уже разыскал Федора Михайловича, — сказала Юка Антону, садясь в лодку. — Знаешь, я сейчас пойду переоденусь и побегу в лесничество, буду там ждать. И вместе с ними приду... А ты, Сашко, приходи сюда к озеру и жди здесь.

Сашко и Юка переправились обратно, забросали лодку камышом и пошли в село.

*

Митька проснулся поздно. После вчерашнего башка трещала, во рту было так скверно, будто он наелся мыла. Он окунул голову в ведро с холодной водой. От этого сделалось немного легче, но не надолго. Следовало опохмелиться, что он и сделал, не обращая внимания на причитания матери. Голова стала болеть меньше, настроение улучшилось.

— Брось, мать, не гуди, — почти благодушно сказал он, — теперь дела пойдут на поправку — нашел заручку. Поняла, нет? Только бы не упустить. Ну, я своего не упущу!

Плотно позавтракав, загнав в оба ствола патроны с жаканами, Митька далеко за полдень пошел в лесничество. На дверях хаты деда Харлампия висел замок. Митька обошел всю усадьбу, долго заглядывал в окна, прислушивался, но, кроме хрюканья кабана в хлеву, ничего не услышал.

«Ладно, придут, никуда не денутся, — сказал он сам себе. — Может, попробовать?»

«Пробовать» вблизи лесничества было опасно — могли услышать и застучать на горячем, как тогда... Больше всего для «пробы» подходили берега Ганыкиной гребли, где никто не бывал и где он в свое время немало пострелял и уток и зайцев.

Вода слепила глаза стеклянным блеском, над лесом висел зной. Зной заставил замолчать и притаиться даже птичью мелочь, которая суетится и свистит целый день. Митька старался ступать осторожно, без шума. Он давно, очень давно здесь не был и с трудом узнавал хорошо знакомые прежде места.

Проходя мимо большой купы кустов, Митька заметил висящий на сучке клочок голубой тряпки, свеженадломанные ветки, оборванную листву. Кто-то совсем недавно пробирался здесь к озеру. Кто и зачем? Митька полез через кусты. Под ворохом старых стеб-

лей камыша виднелась доска. Он отшвырнул камыш. Лодка! Ну, не лодка, скорей корыто, а все-таки плыть можно. Стоп! Чья? Лесника? Зачем ему? И она была бы настоящая, а не такая топорная самоделка. Значит, втихаря сварганил какой-то кустарь-одиночка. Ну, и он тоже одиночка...

Не раздумывая больше, Митька положил ружье, сильно толкнул «карап» деда Харлампия, влез в него и начал грести к острову.

16

Степан Степанович давно взял себе за правило по утрам прогуливаться пешком. Нужна же хоть какая-то разминка при его сидячем образе жизни... Прогулка, правда, получалась куцая, всего два квартала, и не всегда удавалось ее проделать — не ходить же пешком по сугробам или весной и осенью по слякоти и грязи! Но если погода была хорошая...

«Хозяйство» Егорченки было по пути. Егорченко уже сидел за своим столом. Увидев входящего, он встал и пошел навстречу Степану Степановичу.

— Привет, привет! Можно сказать, исторический факт: собственной персоной...

— Ну, что тут у тебя? — не поддержав шуточного запева, строго и деловито спросил Степан Степанович.

— Как говорится, все в порядке, пьяных нет.

— Пьяных, может, и нет. Но и порядка нет!

Степан Степанович меньше всего хотел, чтобы в городе узнали о вчерашней истории в лесу, истории, в которой он вел себя не самым героическим образом. Он предполагал ограничиться указанием, данным председателю ганешинского сельсовета, но теперь передумал. Вернее будет, если этим делом займется Егорченко.

— Вчера заезжал в лесничество. Там, понимаешь, шатается по лесу какой-то мальчишка с большой собакой и натравливает эту собаку на народ. Поручи своим людям взять этого мальчишку, прощупай, кто такой, что такое... А собаку пристрелить без всяких разговоров. Нечего, нам, понимаешь, баскёрвильских собак в районе разводить.

— Есть, Степан Степанович! Я как раз на сегодня вызвал участкового, лейтенанта Кологойду. Дам указания, будет полный порядок.

*

Через несколько часов лейтенант Кологойда получил надлежащие указания и выехал в Ганеши рейсовым автобусом.

Автобус, до отказа набитый корзинами, мешками, чемоданами и их владельцами,

преодолевал последние десятки городской бу-
дыги. Она была так изрыта и раздолбана,
автобус так угрожающе заносило и раскачи-
вало, что неодушевленные предметы приобрели
совершенно не свойственную им подвиж-
ность и даже прыткость, а пассажиры на не-
которое время забыли о своих делах и забо-
тах, так как надо было держать вещи, изо
всех сил держаться самим, чтобы не слететь

Когда он поднялся, автобус в отдалении,
подбрасывая кургузый зад на последних уха-
бах, выбрался на шоссе и уже легко покати-
л своих пассажиров прочь от Чугунова. Дед
в сердцах сплюнул, возле базара слез со сво-
его грузовика и тотчас пошел разыскивать
попутный, чтобы ехать обратно.
Федор Михайлович и лесничий молчали.
Их попытка опротестовать предстоящую вы-

с сиденья, не стукнуться головой о потолок,
не боднуть соседа и не подвергнуться такому
же нападению с его стороны. Федору Михай-
ловичу в этот момент, как и другим пассажи-
рам, было не до того, чтобы выглядывать в
открытое окно, поэтому он не увидел, как в
кузове встречного грузовика цепляется за
крышу кабины, приплясывает, стараясь со-
хранить равновесие, дед Харлампий. Дед Хар-
лампий его увидел, закричал и даже зама-
хал рукой, но голос его заглушили рев мото-
ров и дребезжанье обеих машин, а легкомы-
слие, с которым он оторвал руку от кабины,
было тотчас наказано: деда швырнуло на пол
кузова и занесло в угол.

рубку ни к чему не привела. Степан Степано-
вич сидел в своем кабинете, за своим столом,
рядом была кнопка и телефон, а за обитой
клеенкой дверью секретарша, он ощущал всю
полноту своей власти и обрушил громы на
головы пришедших, прямо и недвусмысленно
угрожая пустить в ход и молнии при даль-
нейшем неповиновении. Федор Михайлович
пробовал объяснить, что указание дано не-
правильное, деревьям на намеченном участке
до полной зрелости следует расти еще столько
лет, сколько им троим вместе взятым, что
вообще валить лес летом — бессмысленно, так
как качество древесины будет из рук вон пло-
хое.

Степан Степанович сдержанно пояснил, что надо мыслить государственно, бывают ситуации, когда приходится идти на некоторые жертвы, мириться с временным ухудшением качества, чтобы обеспечить необходимое количество.

Федор Михайлович возразил, что такое «государственное» мышление подозрительно напоминает латание тришкина кафтана. Семигорский лес — не чья-то вотчина, имеет не районное и не областное, а всенародное значение, поднимать на него руку — преступление.

Кто он, собственно, такой и почему суется в это дело? Он такой-то, а суется в это дело потому, что считает всю затею вредной и даже преступной.

Он, конечно, помнит, с кем говорит. Он привык уважать должность, но лиц, занимающих ее, уважает или не уважает в зависимости от того, насколько лицо этой должности соответствует.

Почему же об этом могут судить только вышестоящие? Каждый гражданин об этом может иметь свое мнение и высказывать его. Это во времена культа с мнением народа не считались, а теперь времена другие и никому за своей должностью не спрятаться, рано или поздно его выведут на чистую воду. Не для того разоблачили культ личности, чтобы кое-где некоторые деятели сохраняли свои уездные культыки...

После этого разговор достиг такого накала, что или должен был перейти в рукопашную или оборваться. Разумеется, в рукопашную он не перешел, а оборвался. Напутствуемый угрозами, Федор Михайлович ушел. Вскоре к нему присоединился лесничий. Федор Михайлович предложил сейчас же по возвращении в лесничество написать соответствующее письмо и ехать в Киев, чтобы не допустить уничтожения леса.

Глядя на мелькающие за окном перелески, первые заставы лесничества, Федор Михайлович невесело думал о том, как много вреда может принести злой дурак. Но разве дураки бывают добрыми? Известный медведь, разозливший голову пустынноку, имел самые благие намерения — убить муху. А благими намерениями, по слухам, вымощена дорога в ад... Значит, надо дать бой дураку!

Возле лесничества шофер затормозил, лесничий и Федор Михайлович сошли, автобус покатил дальше, в Ганеши. Увидев на двери замок, Федор Михайлович удивился, но не обеспокоился. Время обеденное, хозяева должны прийти, прибегут и Антон с Боем, которые, наверно, околачиваются где-нибудь у

реки. Он пошел в контору и начал писать письмо о недопустимости вырубки. Через некоторое время он вышел и снова направился к хате Харлампия. Замок висел на месте, никого не было видно и слышно, только поросянок, который прежде похрюкивал, теперь визжал непрерывно, как сирена, которую забыли выключить. Федор Михайлович подошел к хлеву, поросенок смолк, начал тыкаться мордой в загородку, требовательно похрюкивал.

— А ты просто лопать хочешь? — сказал Федор Михайлович. — Тут я тебе ничем...

И в это время чей-то голос прокричал:

— Антон сказал, шоб вы его не шукали, бо он ховається! Он сам придет, когда будет можно!..

То ли потому, что в это время он сам говорил, то ли из-за поросенка, который снова включил свою сирену, Федор Михайлович даже не смог определить, откуда долетел голос.

— Кто там?

Никто не ответил.

— Кто кричал, я спрашиваю!

Ему снова никто не ответил, ни души не было вокруг и не доносилось ни звука, кроме визга проклятого поросенка.

— Хватит дурака валять! — вспылал Федор Михайлович. — Кто там прячется? И вообще, в чем дело?

Никакого ответа.

— Слушай, кто ты там такой? Дипкуррьер, загробный дух, леший? Вылезай и расскажи, что случилось, почему Антон прячется? Мне некогда играть в прятки! Ну!

Как и прежде, ответа не последовало. Федор Михайлович уже всерьез рассердился и обеспокоился. Если это шутка, то дурацкая.

— Слушай, привидение, если ты не сбегало, — громко сказал он. — Я оставлю на плетне записку, ее нужно немедленно передать Антону...

Вероятнее всего, таинственный вестник убежал, но Федор Михайлович все-таки написал на листке бумаги несколько слов, засунул листок в надтреснутый кол плетня и пошел в контору.

Как только дверь за ним закрылась, из-за плетня протянулась рука, схватила записку и исчезла. Потом из густого куста сирени осторожно выбрался Семен Верста, пригибаясь, перебежал шоссе и скрылся в лесу. Коровы уже разбрелись в разные стороны, он собрал их и погнал к Соколу.

Семен был на опушке леса, когда проезжал автобус, увидел Федора Михайловича и вспомнил просьбу Антона. Загнав коров по-

дальше в лес, Семен пробрался к хате Харлампия и спрятался в густой сирени. Он решил на глаза не показываться. Крикнуть, что нужно, и убежать. А то начнутся спросы да расспросы. Поэтому он затаился в кустах сирени и ни словом не отозвался на все обращения. И так получилось даже лучше — в руках у него была записка, а передать ее Антону — пустяковое дело.

Антон не оказалось в его тайнике под скалой, и сколько Семен ни кричал, Антон не откликнулся. Коров пора было гнать домой, и Семен направил их кратчайшей дорогой к селу. На полдороге его встретила Юка.

— Слышь, — сказал Семен, когда они поравнялись, — а тот дядька приехал...

— Какой дядька?

— А тот, шо с Антоном.

— Ты ему рассказал?

— Не... сказал только, шо Антон ховається и шоб его не шукали.

— И всё?

— А шо?

— Боже мой, — всплеснула Юка руками, — почему ты такой глупый?!

— А шо? — тупо повторил Семен. — Он ось записку написал...

Юка схватила записку.

«Антон! Какую бы там ни затеял игру — в индейцев, Робинзонов, сыщиков и разбойников, — бросай все и немедленно возвращайся. Через два часа мы должны выехать в Киев. Ф. М.»

— Он думает, это игра. Ничего себе игра! Бежим скорее!

Юка побежала. Семен смотрел ей вслед, и в нем опарой поднималась обида. Тоже умные, воображают... Пускай делают теперь сами, что хотят, а его, Семена, дело — сторуна.

В этом решении он окончательно утвердился, когда возле самого села встретил участкового.

— Слышь, — остановил его участковый, — ты там коров пасешь, по лесу ходишь. Не встречал пацана с большой черной собакой? Вчера или сегодня?

Семен удивленно открыл рот и тотчас хлопнул его.

— Не, — сказал он, — не встречал.

— Может, слышал про него? Знаешь, откуда он?

— Ничего я не слыхал и не знаю... Куды, шоб тебя! — заорал он и хлестнул кнутом комолю корову, хотя та спокойно брела за остальными. Просто Семен торопился уйти, чтобы избежать дальнейших расспросов. Надо держаться подальше. Если уж милиция за

это дело взялась, значит, хорошая каша заваривается.

*

Юка постучала в дверь конторы.

— Извините, пожалуйста, нам нужен дядя Федя.

Федор Михайлович поднял голову.

— Ага, на этот раз не загробный дух... Что ж, не буду отпираться: я — дядя Федя.

— Ой, как хорошо, что вы приехали! А тут такое делается... такое делается — просто ужас!...

— Что же именно делается и где Антон? Почему он не пришел сам?

— Он не может! Если Митька его подстережет, он же застрелит...

— Что?! — Федор Михайлович поднялся. — Какой Митька? Кого застрелит?

— Боя застрелит и Антона побьет... Ой, пожалуйста, не будем больше разговаривать, пойдемте скорее! Я вам все по дороге расскажу...

— Извините, Вячеслав Леонтьевич, — сказал Федор Михайлович, — вы же слышали...

— Может, мне с вами, помочь?

— Зачем, я самбист, накостиляю любому Митьке, если он не чемпион...

Размашисто шагая, Федор Михайлович выслушал историю несчастий, которые одно за другим свалились на Антона, как только он остался один.

— Ну-и-ну, — сказал он наконец, — тоже мне рыцари-антихламовники... За такую сопливую самодеятельность надирают уши, а то место, откуда растут ноги, потчуют березовой кашей. Ваше счастье, что я принципиальный противник домостроя и рукоприкладства. Далеко еще?

— Уже близенько, может, с километр осталось или меньше.

Они не прошли и четверти километра, как показался бегущий навстречу Сашко. Далеко отстав от него, ковылял маленький Хома.

— Скорей! Скорей! — на бегу прокричал Сашко. — Там Митька. Митька на остров поехал...

Федор Михайлович побледнел и, сжав кулаки, побежал. Он только поравнялся с маленьким Хомой, как впереди, со стороны озера, прогремел выстрел и почти тотчас второй.

17.

Он повернул на звук выстрелов, ребята сзади что-то закричали, но Федор Михайлович не расслышал. Наперерез ему из кустов метнулся черный зверь, сбил его с ног, и оба по-

катились по земле. Встрепанный, захлебывающийся от восторга, Бой вскочил первым, набросился на своего хозяина, и они снова покатались по земле, теперь уже в радостной игре-сражении. Их окружили подбежавшие ребята, а среди них и сияющий Антон, но для Боя сейчас никто не существовал. Утробно рыча, он в притворной ярости бросался на хозяина, опрокидывал его на спину, пойманный за шею, валился сам, вскакивал, успевал при этом лизнуть своим огромным язычиной лицо хозяина и снова притворялся самым свирепым, самым кровожадным зверем...

— Что здесь происходит, граждане?

Позади ребят стоял лейтенант Кологойда, держа руку на кобуре пистолета. Из-за его плеча сконфуженно выглядывал дед Харлампович.

Федор Михайлович поднялся.

— Хватит, Бой, подожди...

Бой не мог успокоиться. Он вьюном вился вокруг его ног, встряхивался, подпрыгивал и лизал в лицо Федора Михайловича.

— Погоди, тебе говорят!

Бой поднял голову кверху и залаял не громко, протяжно, со всей силой упрекал, на какую только был способен.

— Ладно, не сердись, старина, больше я тебя не оставлю...

— В чем дело, я спрашиваю? Что здесь происходит? — повторил Кологойда. Руку с кобуры он уже снял.

— Ничего особенного: встреча после разлуки. А почему... — начал Федор Михайлович и посмотрел на деда.

Харлампович развел руками. Что он мог сделать, если, слезая с грузовика, попал прямо в объятия участкового? Митьку или еще кого-нибудь вроде него дед Харлампович не задумываясь и даже с удовольствием обвел бы вокруг пальца, но участковому врать не стал и со всей возможной поспешностью повел его к озеру, надеясь, что тот примет чью угодно сторону, только не Митькину, и, стало быть, Антону и Бою ничто угрожать не может.

— Вы хозяин собаки? А кто стрелял?

— Это на острове, тот гад, Митька Казенный, — сказал Антон.

— В тебя? В вас? — ужаснулась Юка.

— Не знаю... Мы уже сюда переехали... Он, по-моему, даже нас и не видел.

— Митька на острове? — вмешался дед и яростно хлопнул себя по ляжкам. — Ах, стервец. Не иначе, как по козе стрелял!..

— По козе?

— Ну да, дикая коза там, с зимы осталась...

— Ага, браконьерство! Ну, мы сейчас возьмем его тепленьким. Где твой пароход, дед? Поехали! А вы, граждане, подождите здесь....

Харламий с сомнением оглядел дюжую фигуру Васи Кологойды.

— Не будет дела, утопишь ты мой карап, больно тяжел... Да еще ту орясину везти. Ты лучше тут погоди, я сам. Коли он козу подстрелил, от тебя спрячет, а от меня нет — я там каждый кустик знаю...

— Ой, дедушка, вы же с ним не справитесь! — сказала Юка.

— А мне зачем? Он как услышит, кто его тут поджидает, с него враз вся фанаберия соскочит. Он ведь дрянь человечешко: молодец против овец, а против молодца и сам овца...

— Ладно, дед, отчаливай. А я тут пока с этим собачьим делом разберусь. Только смотри, вещественные доказательства обязательно прихвати...

— Уж я его не помилую! — сказал дед Харламий и скрылся в кустах.

— Ну, — сказал Вася Кологойда, — выкладывайте, что вы тут натворили, зачем на людей собак натравливали?

Участковый выслушал рассказ Антона, поглядывая на ребят. Те дружно кивали, подтверждая сказанное.

— Не врете? — спросил он, хотя было совершенно очевидно, что ребята не врут. — Ну ладно... В общем, как говорится, у страха глаза велики и всякое такое... Дело, конечно, ваше, — сказал он Федору Михайловичу, — но мой вам совет: уезжайте. Я вас не застал, и концы в воду, в Киев искать не пошлют. А иначе я вас должен доставить в Чугуново. Сделать вам ничего не сделают, а неприятностей не оберешься...

— Мы уезжаем потому, что требует дело. — сказал Федор Михайлович. — Но так я эту историю не оставлю и скоро сюда вернусь. Мы еще повоюем.

— Антон, — спросила Юка, — а как же он вас на острове не поймал?

— И сам не знаю... Я еще издали увидел его на лодке, спрятался с Боем в кусты. Бою даже глаза завязал. Хорошо, что он такой умный и послушный, не вырывался... Ну, Митька причалил и сразу чего-то такое на земле увидел...

— Там следы той козы — сказал Сашко.

— Он и пошел туда, вправо, и все время смотрел под ноги. Ну, а когда он скрылся, я еще подождал немножко и бегом в лодку. Вот и все.

— Он же мог подстрелить, когда выплыли...

— Вот я и боялся. Так греб, думал, сердце выскочит...

— А что ему будет, если он козу убил? — спросил Толя.

— Ничего страшного, — ответил Федор Михайлович, — возьмут деньги, то есть оштрафуют.

— Ну нет, — сказал участковый, — этот Митька рецидивист — раз. Браконьерство — два. Так просто не обойдется, припаяют, что положено...

*

Настроение у Митьки было как нельзя лучше. Правда, первый раз он промазал, зато из второго ствола как врезал — у козы жаканом чуть не полбока вырвало. Шкура подпорчена, ну, летом она все равно дрянь, продать нельзя, пойдет пацанам на шапки. Подбавив «газу» из прихваченной с собой плоской фляжки, он, не торопясь, принялся свежевать козу, чтобы не таскать на себе требуху. До вечера не так уж далеко, а стемнеет, можно незаметно пронести домой...

Неожиданно он услышал шорох и резко вскинулся. Позади него стоял дед Харламий.

— Тьфу! — сплюнул Митька и выругался. — Что ты тут лазишь, старый черт!

Дед смотрел не на него, а на маленький жалкий трупик козы.

— Ах, стервец ты, стервец! Чтоб тебе ни дна ни покрышки! — сказал он. — Ну почто застрелил? Еды — кот наплакал, шкура бросовая...

— Тебя не спросил. Уматывай отсюда, а то как...

Харламий не обратил внимания на угрозу.

— Бери свою добычу, пошли. Там тебя уж поджидают...

— Кто?

— Участковый.

Митька посерел.

— Ты привел? — сразу осевшим голосом спросил он.

— Не я его, а он меня... Ну, не прохлаждайся, бежать все одно некуда, а заставишь ждаться — осерчает, тебе же хуже будет... Ружьишко, так и быть, я понесу...

Митька потерянно смотрел на свои руки, перепачканные кровью, на выпотрошенный труп козы. Все его самодовольство, уверенность в полной безнаказанности испарились, он вроде бы стал меньше, как бурдюк, из которого наполовину выпустили воду. Он безропотно ухватил козу за задние ноги и волоком потащил за Харламием.

Харлампий подвел лодку к прибрежной полоске аира, где уже стояли Федор Михайлович, участковый и ребята. Не поднимая глаз, Митька шагнул через борт, поднял козу и зашлепал по воде к берегу, но тотчас бросил козу в воду, панически метнулся обратно в лодку. Бой узнал его и с ревом, уже совсем не притворным, кинулся к нему.

— Назад! — закричал Федор Михайлович. — Бой, ко мне!

Бой нехотя повиновался.

— Серьезный парень! — уважительно качнул головой Вася Кологойда. — Такой даст прикурить...

— Испужался? — ехидно спросил Митьку Харлампий. — Ну, герой, прямо пробу ставить некуда. Не жмись, не жмись, иди на расправу...

Со страхом косясь на оскаленные клыки Боя, Митька вышел на берег. Участковый вынул из его карманов патроны, нож, плоскую флягу, открыл ее, понюхал.

— Бери вещественное доказательство, — скомандовал он Митьке. — Никто за тебя носить не будет. Марш в сельсовет...

Федор Михайлович попрощался с участковым, дедом Харлампием.

Втянув голову в плечи, Митька пошел в село, следом за ним Кологойда и дед Харлампий с председательским ружьем. Сопровождаемый ребятами, Федор Михайлович направился к лесничеству. Бой, мотая черным факелом хвоста, бежал впереди.

Пересекая шоссе, Федор Михайлович посмотрел вперед и спросил Антона:

— Ты Серафиме Павловне телеграмму отправил?

— Ой, — спохватился Антон, — совсем забыл!

— Забыл? — зловеще переспросил Федор Михайлович. — Тогда остается только спросить, как спрашивал Отелло у Дездемоны: «Молилась ли ты на ночь?» — Антон удивленно уставился на него. — Не молился? Я тоже нет... И хотя теперь не ночь, нам обоим сейчас будет очень-очень плохо... Посмотри.

Антон взглянул вперед и даже приостановился.

На крыльце дедовой хаты, заломив руки, как статуя бесконечной скорби и укоризны, стояла тетя Сима.

— Полундра, ребята, — сказал Антон. — Спасайся, кто может. Это моя тетя. Сейчас она начнет сеять разумное, доброе, вечное...

Предсказание исполнилось, как только они подошли ближе.

— Антон! Что ты делаешь со мной, Антон! — трагическим голосом сказала тетя Сима. — У тебя нет сердца! Ты бессовестный, гадкий мальчишка, я едва не умерла от страха... А от вас, Федор Михайлович, я не ожидала! Я понадеялась, поверила, положила на вас, а вы... С завтрашнего дня у меня путевка, а я уже сдала билет и вынуждена была приехать сюда...

— Только три секунды! — поспешно ворвался в паузу Федор Михайлович. — Через пять часов мы будем в Киеве. Завтра утром я усажу вас в самолет, в десять вы — в Алуште... Что касается остального — Антон, за мной!

Федор Михайлович упал на колени и молитвенно сложил руки. Антон немедленно сделал то же самое. Бой оглянулся, вильнул хвостом и уселся рядом с хозяином.

— Что это значит? — негодуя воскликнула тетя Сима. — Перестаньте паясничать, встаньте немедленно!

— Не встанем! — мотая опущенной головой и протягивая молитвенно сложенные руки, сказал Федор Михайлович.

— Как вам не стыдно! Встаньте сейчас же!

— Нам стыдно, и потому не встанем! — патетически ответил Федор Михайлович.

— Ребята, — тихонько сказала Юка за их спиной. — А ну!

Она тоже упала на колени и сложила руки, а вслед за ней Сашко и даже маленький Хома.

Федор Михайлович обернулся к ним и одобрительно подмигнул.

— Ну что это такое?! — сказала тетя Сима, потом невольно улыбнулась и махнула рукой. — А ну вас! Безобразники, и больше ничего...

— Прощены, — шепотом сказал Федор Михайлович. — Три, четыре... Ура!

— Ура-а! — закричали ребята, вскакивая на ноги.

*

Грузовик лесничества выехал на шоссе. Тетю Симу усадили к шоферу, лесничий сел в кузове на скамье возле кабины.

— Прощайся с друзьями, — сказал Федор Михайлович. — Пора.

Антон обошел ребят и пожал всем руки, даже маленькому Хоме. Ребята были сумрачны. Юка смотрела на Боя, по щекам ее

текли слезы. Она старалась удержать их, но они без конца выкатывались из глаз, щекоотно ползли по щекам к углам рта. Юка высовывала кончик языка и подхватывала их. Она присела на корточки, обхватила руками огромную башку Боя, тот лизнул ее в щеку, солоноватые слезы прилились ему по вкусу, и он лизнул еще раз. Смеясь и плача, Юка целовала его прямо в шагреновую нюхалку. Бой деликатно высвободил голову, встряхнулся и чихнул. Ребята засмеялись. Антон со страхом подумал, что сейчас она полезет целоваться с ним, и тогда ему хоть проваливайся сквозь землю. Юка целоваться не полезла. Улыбаясь сквозь слезы, она смотрела на Антона и только сказала:

— Ты нам напиши. Ладно?

— Ага, обязательно, — сказал Антон, влезая в кузов.

Он сел у закрытого заднего борта, рядом, свесив голову через борт, встал Бой. неподвижной цепочкой стояли ребята поперек шоссе, смотрели на Антона и Боя. Маленький Хома поднял руку и прощально мотал ею над головой. Грузовик зарычал, дернулся, и только тут Антон вспомнил:

— Адрес! Адрес! — закричал он.

Ребята не расслышали. Со стесненным сердцем Антон смотрел на быстро уменьшающиеся фигурки. Они стояли все так же неподвижно, пока машина не скрылась за поворотом. По опушке леса у обочины шоссе гнал свое стадо Семен Верста. Антон закричал ему, помахал рукой. Семен безучастно посмотрел на него и отвернулся.

Снова распластывались по сторонам поля, стремительно вылетала из-под кузова серая лента дороги, а горизонт неторопливо сматывал на свой невидимый барабан и поля, и перелески, и дорогу. Не замечая толчков, Антон смотрел на узкую ленту ее, которая все дальше и дальше отодвигала лесничество и все, что пережил здесь Антон за три дня и две ночи. Ему было и хорошо и плохо, так плохо и страшно, что небо и в самом деле казалось с овчинку. А насколько было бы хуже и страшнее, если бы не оказалось там Юки и Сашка, Сергея Игнатьевича и деда Харлампия и даже неисправимой ругательницы тетки Катри!... Антон впервые с удивлением подумал, как много на свете хороших людей, как охотно они помогают другим в беде и как это хорошо — помогать другим, не ища для себя ни выгоды, ни награды...

Конец

ОХОТА ЗА ПИЧЬИМИ ГОЛОСАМИ

Н. Сладков

Мы уходим от шума машин и громких человеческих голосов. Мы вступаем в мир лесных звуков.

У нас на всех одно ружье. У ружья ни стволов, ни приклада. Вместо патронов — лента. Да и все ружье — как ящичек. И наверху кнопка.

Ружье это несет охотник. Вот он медленно наводит ружье на поющую птицу и плавно нажимает кнопку.

Нет, не гремит оглушительный выстрел и не падает вниз, пересчитывая сучки, подбитая птица! Птица спокойно поет, а ружье тихо жуужжит.

Пусть теперь летит птица, куда хочет. Песенка ее поймана и посажена в ящик.

Ящик этот называется — маг-ни-то-фон!

НЕВИДИМКА

— Слыхом слыхали, видом не видывали!

Так охотники про нее говорят.

Птичка эта — сторожиха глухариного тока. Она глухаря на току будит. Услышишь ее писк, знай: глухарь сейчас проснется и запоет.

Издавна дознавались охотники, что это за пичуга, да все зря. Попробуй, разгляди-ка ее в темноте!

И вот мы на току.

Стоим, привалясь спиной к теплой сосне. Ноги утонули во мху. Сосна засыпает, чуть покачивается, будто дышит. И время тянется медленно, полесному. Отсчитывают его только толчки сердца. И кажется, что конца не будет этой тягучей млеющей тишине.

Но вот где-то возник шум: он нарастает, приближается и вот прокатился над головой, как широкая морская волна. И холодные капли-брызги падают на лицо. Это ветер...

И опять надолго млеющая тишина.

Когда мы потеряли счет толчкам сердца, когда даже сосна за спиной перестала дышать, вдруг раздался тихий писк.

Она! Невидимка!

Значит, надломилась ночь и

время повернуло на утро. Вот опять пропищала птичка-невидимка, и мы, нажимая на кнопки замлевыми пальцами, успели поймать эти удивительные звуки, звуки перелома ночи. Для человека неощутим этот миг, но он есть. И когда он настанет, лес будто вздохнет. И нет уже в нем больше гнетущей ночной тишины.

Проснулась сосна и тихонько толкнула нас в спину. В стороне кто-то постучал по отводу деревянной палочкой. Вот удар кастаньет. И заточил, заточил, заточил...

Это проснулся и запел хозяин тока — глухарь.

Десятки лет, из поколения в поколение, почему-то только сюда слетаются весной со всего леса угрюмые черные петухи. Только здесь в темноте поют они свои песни.

И тоже десятки лет, тоже из поколения в поколение, птички-невидимки будят глухарей на току.

Поет разбуженный глухарь. За ним просыпаются и другие птицы. Вот вальдшнеп протянул. Его не видно, слышен плывущий придушенный хрип. Прогавкал, как собачонка, на мшарине куропац. Далеко-далеко забормотали косачи; весь воздух содрогнулся. Странный

звук: его слышишь всем телом.

Птичья мелочь завозилась в ветвях, где-то там и наш невидимка. Темные сосны выступили из серой мглы.

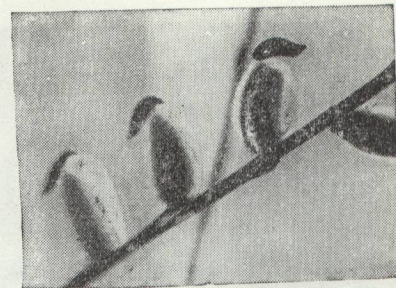
И когда стало совсем светло, мы включили наш ящичек с записью голоса невидимки. Впервые невидимкин голосок прозвучал на свету. Прозвучал и выдал свою тайну!

К ящичку спорхнула синичка-пухляк, скосила на него глазок и ответила тем же голоском! Сейчас же спохватилась и закричала знакомо, повсегдашнему: «Дай-дай-дай-дай-дай!»

Но было поздно. Так вот кто она — сторожиха тока, таинственная птичка-невидимка!

— Не отдадим! — ответили мы. — Лучше и не проси!

Так мы увидели невидимку и поймали ее голосок.

Фотозагадка

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

Есть такие часы — с кукушкой. Каждый час открывается в часах дверца, высовывается из дверцы деревянная кукушка и, покачиваясь, отсчитывает время. Как ку-ку — так час. Пять раз ку-ку — пять часов.

И почему на такое важное дело выбрали кукушку?

Я бы не доверил кукушке часы отсчитывать: взбалмошная птица! В лесу кукушка во времени совсем не разбирается:

то начнет чуть свет куковать, лесной народ с полночи будить, а то и солнце проспит. Слышишь ее и не знаешь: то ли утро, то ли вечер, то ли спать, то ли вставать?

Я, будь моя воля, в часы зяблика бы посадил. Вот этот знает свое дело! Этот у нас ровно в пять часов утра начинает петь. Прямо хоть часы проверяй.

Пять лет каждое утро перво-

го мая я отмечал время его первой утренней песни — и просто удивительно! За пять лет он ошибся самое большее на пять минут: «ушел вперед», а другой раз на пять минут «отстал».

Разные это были зяблики, конечно. А запевали все, как один. Точно, как часы.

Нет, уж если делать часы с птичкой, то не с кукушкой, а с зябликом. Этот не подведет.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

На всякой охоте случай — великое дело. При охоте с магнитофоном — тоже. Бывает, ничего уж не ждешь, и вдруг...

Записывали мы скворцов. Все знают скворцов как самых полезных птиц. Потому и скворечники для них делают. И кошек отгоняют от скворечников. Даже ребята не стреляют в скворцов из рогаток. К тому же скворцы красивые и хорошо поют. И вдруг слышим: «Чтоб околели эти скворцы, чтоб их ястреб перетаскал! Да они у нас в саду вишни и сливы поклевали!»

И верно: налетят стаей на сад — сливы и вишни так и очистят. Да все самую спелую, наливную ягоду клюют, с выбором.

Садовники в сад вертушки ставили — не боятся. Трещеток не боятся. Пугалам садятся прямо на головы. Убитую ворону повесили — хоть бы что. Всё нипочем!

Рассердились садовники.

«Ладно! — говорят. — Сегодня вы их еще записывайте, раз уж вам так надо, а завтра мы их из ружей пугнем. Лопнуло наше терпение».

Сидим мы в саду в шалаше. Облепили скворцы вишни и сливы — так и висят черными гроздьями. Но шуму не очень много: галдят вполголоса, с оглядкой, по-воровски.

И вдруг громкий общий, прямо отчаянный крик!

Хлынула черная скворчиная волна, разлетелась на брызги — как ветром сдуло.

Ястреб! Подлетел незаметно, прикрываясь деревьями, и ки-

нулся в самую гущу. Мелькнул тут, там; взмыл, упал вниз и исчез. Ни ястреба, ни скворцов. И так тихо, что слышно, как шуршат в магнитофоне кассеты с пленкой: поймали птичий переполох!

Вот тут и пришла догадка. А что, если...

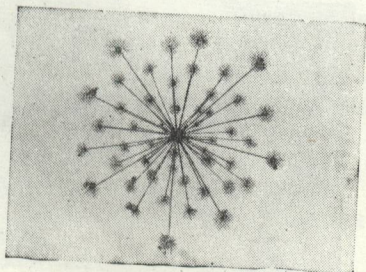
На другой день мы поставили на окно микрофон. И только из лесочка налетела на сад скворцовая туча — включили пленку. На весь сад, от угла до угла, прозвучал вчерашний отчаянный вскрик — спасайся, кто может! Скворцов опять сдуло, как ветром. Нет для них ничего страшнее ястреба.

И на второй, и на третий день — тоже. А на четвертый — они совсем не прилетели.

Так скворцы сами себя напугали. Сами себя от сада отвадили. И стрелять в них не пришлось.

Ну и хорошо. Садоводы довольны и скворцы целы.

Спасибо случаю. И магнитофонной ленте!

Фотозагадка

ЧИЖИК

Ласточка день начинает, соловей кончает. А между ласточкой и соловьем любит петь скворец. В песне скворчиной чего не услышишь: есть там и ласточка, есть соловей, и много других птиц. И никого это не удивляет: все знают, что скворец пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил. Сидел он на лиловой ольшинке у дома, взмахивая крыльями, и насвистывал «Чижика». Здорово так высвистывал: «Чижик, чижик, где ты был?» Потом разная скворчинная болтовня, тягучий печальный свист, и опять бодро и весело: «Чижик, чижик, где ты был?»

Мы постучали в дверь ближ-

него дома. Вышел паренек, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

Случилось все так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яйцом и творогом. Скворчонок быстро рос и скоро стал есть сам: кормилец за стол — приемыш на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и «Чижика» под нос свистит. Сидит скворчонок у него на плече и прямо в рот смотрит. Сидел

так, смотрел, да и сам «Чижика» выучил. И назвали за это скворчонок Чижиком.

Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянули на юг. Жалко мальчишке стало Чижика, вынес он его на луг и подпустил к дикой стае. Прощумели крылья — и нет никого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал «Чижика». А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная птаха и необъятный горизонт. Где, бедняжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чижик, чижик, где ты был?

ПЕВЧАЯ ДОРОЖКА

Разные в лесу бывают дороги. Бывают такие, что прямо пойдешь — назад не вернешься, налево пойдешь — в чащобе заблудишься, направо пойдешь — в болоте увязнешь. Ну их, такие дорожки-то!

Но бывают в лесу и другие. Такие бывают, что пройдешь по ней раз, да на всю жизнь и запомнишь. И опять к ней вернешься.

Вот было однажды. Шел я по лесной дороге и держал в руке листок. Простой листок из тетрадки. На листке написано: «Там, где развилка на Звениречку и Васильки, — кричит дергач».

Я стою на развилке. В клинышке, между дорогами, птица кричит: «Зря-зря! Зря-зря!» Так только один дергач может

кричать, у него одного такой голосище.

— Та самая развилка! — догадываюсь я. — На Звениречку и Васильки.

Иду и читаю: «Две тропинки — вилюшки. У которой поет зарянка — в болото заведет, а у которой теньковочка — выведет к Василькам».

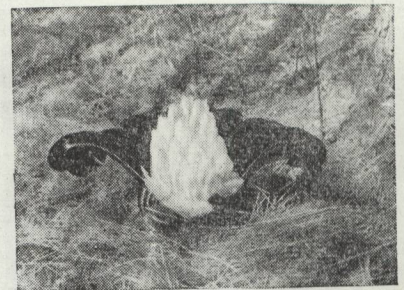
«Это какая же Васильковская?» — думаю. И ухом угадываю — вот она! Теньковочка около отвилки поет. Поет — выговаривает: «Те-тень-ка, те-тень-ка!»

Здорово действуют певчие указатели! И столбов ставить не надо.

Придумываю про себя, как я отвечу прохожему, если он спросит меня про путь.

— Пожалуйста, — попросит, — укажите мне, как к Василькам выйти? Совсем в лесу закружился.

И я отвечаю: — Это проще простого. В лесу не то, что в городе. В городе и смотреть надо и встречных расспрашивать. А тут только слушать.

ФОТОЗАГАДКА

Идите все прямо до той развилки, у которой дергач крикает. Сворачивайте направо и шагайте до тропинки с теньковкой. По этой тропке все прямо и прямо—пока не услышите овсянку. От овсянки налево—тут вам и Васильки.

Что за чудо дорожка!

Идти да идти по такой: и прямо, и налево, и направо!

И я до овсянки дошел. Сидит на ветле сгорбившись и распевает: «Неси-неси-неси-не-труси-и!»

Свернул налево—тут тебе и деревня.

Здорово, что ни говори! Прочитай на листочке и шагай—не заблудишься. Лучше всякого путеводителя. Лучше, потому что любой путеводитель быстро стареет. А песни никогда не стареют.

А теперь пора открыть маленькую тайну. Записи на листке сделал я сам, только много-много лет назад. И вот, после долгой разлуки, снова вернулся в родные места. Нашел старую дорогу, но перекрестки все позабыл. Так и плутал бы по перекресткам, если бы не птицы да не листок с

полияльными буквами! А теперь вышел без запинки. Птицы песенками указали путь. Только пели теперь, конечно, уже правнуки тех, кто пел тут когда-то. Они остались верными месту. Никакие другие указатели не продержались бы в лесу такой срок.

Как ясно представил я себя мальчишкой, который шел тут с блокнотом давным-давно, слушал птиц и записывал свои первые наблюдения! Стало радостно: я вернулся, я тоже остался верным своей лесной дороге.

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынут зубы. Лес молчит, озеро молчит. Петь в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их—как ручеек, так и льется, так и звенит. Но ведь кто-то поет, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда—и подледная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушел...

Я лег на лед и свесил голову в черный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лед навис над водой, как

лазоревого потолка. Где навис, а где обрушился, и из темных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, там ручеек? Или, может, звенят рожденные из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая: такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулкам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть—птица...

Я стукнул лыжей по льду—песенка смолкла. Я постоял тихо—песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть сил стукнул лыжей об лед. И сейчас же из темного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

Полный ящик птичьих голосов!

Они молчат: до поры, до времени. В нашей воле выпустить их и, как на удивительной машине времени, перенестись из зимы в лето или из комнаты в дремучий лес.

Мы хозяева песен.

Их можно заставить служить ученым в лабораториях или ученикам в школах. Их можно отдать в кино или передать по радио. Птичьими голосами можно приманить в сады птиц полезных и отпугнуть вредных. Весенние песни можно заставить звучать зимой, а прощальные осенние—летом.

Что из того, что птицы улетят на далекий юг—голоса их останутся. Останутся и будут служить людям и радовать их круглый год!

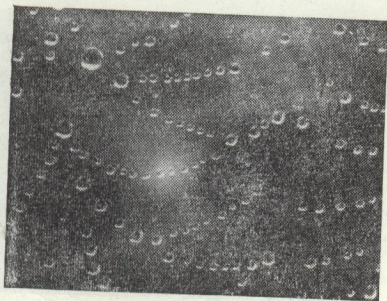
— Здравствуй, певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подледную песню.

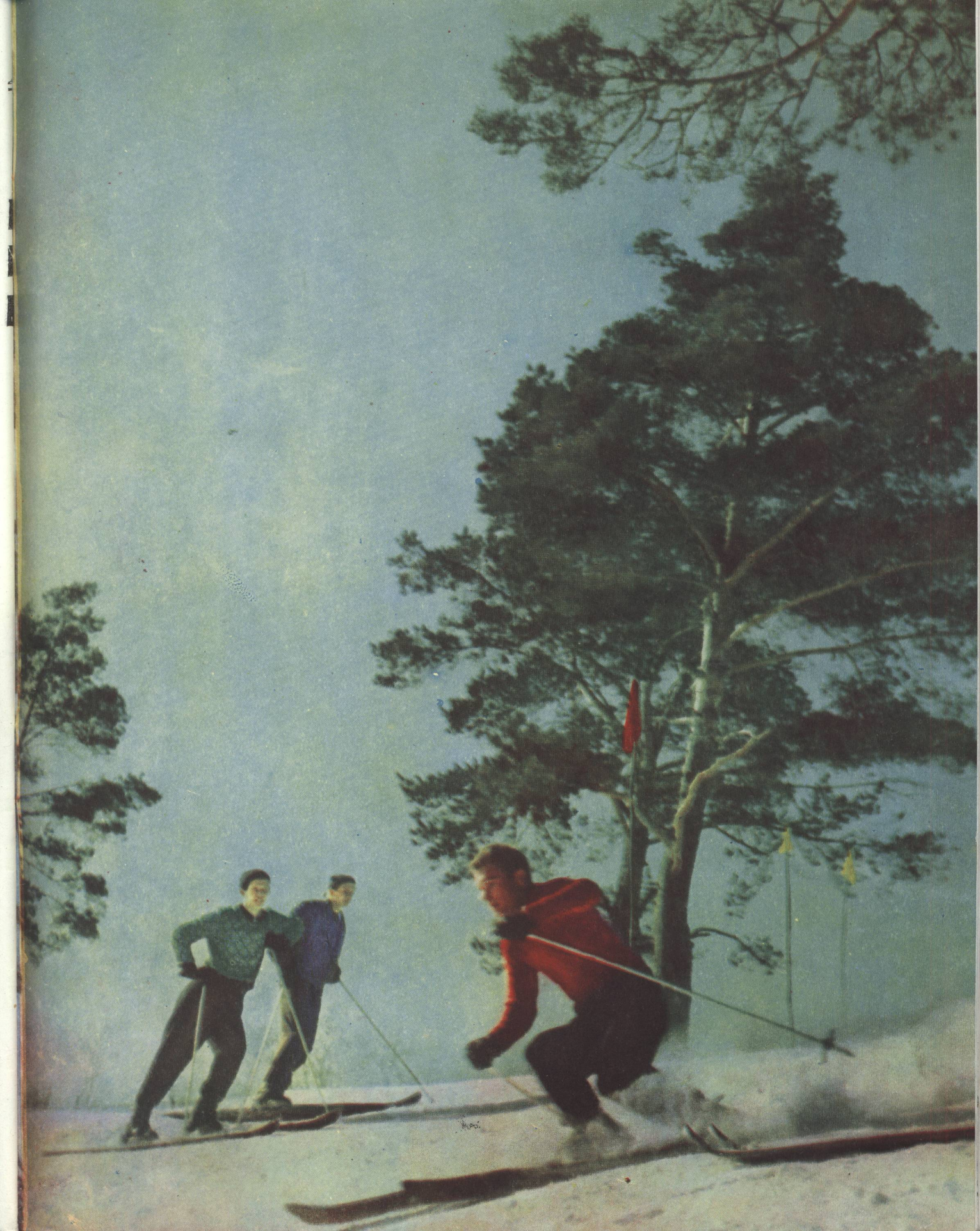
— А я ведь знаю тебя,—сказал я.—Ты оляпка—водяной воробей!

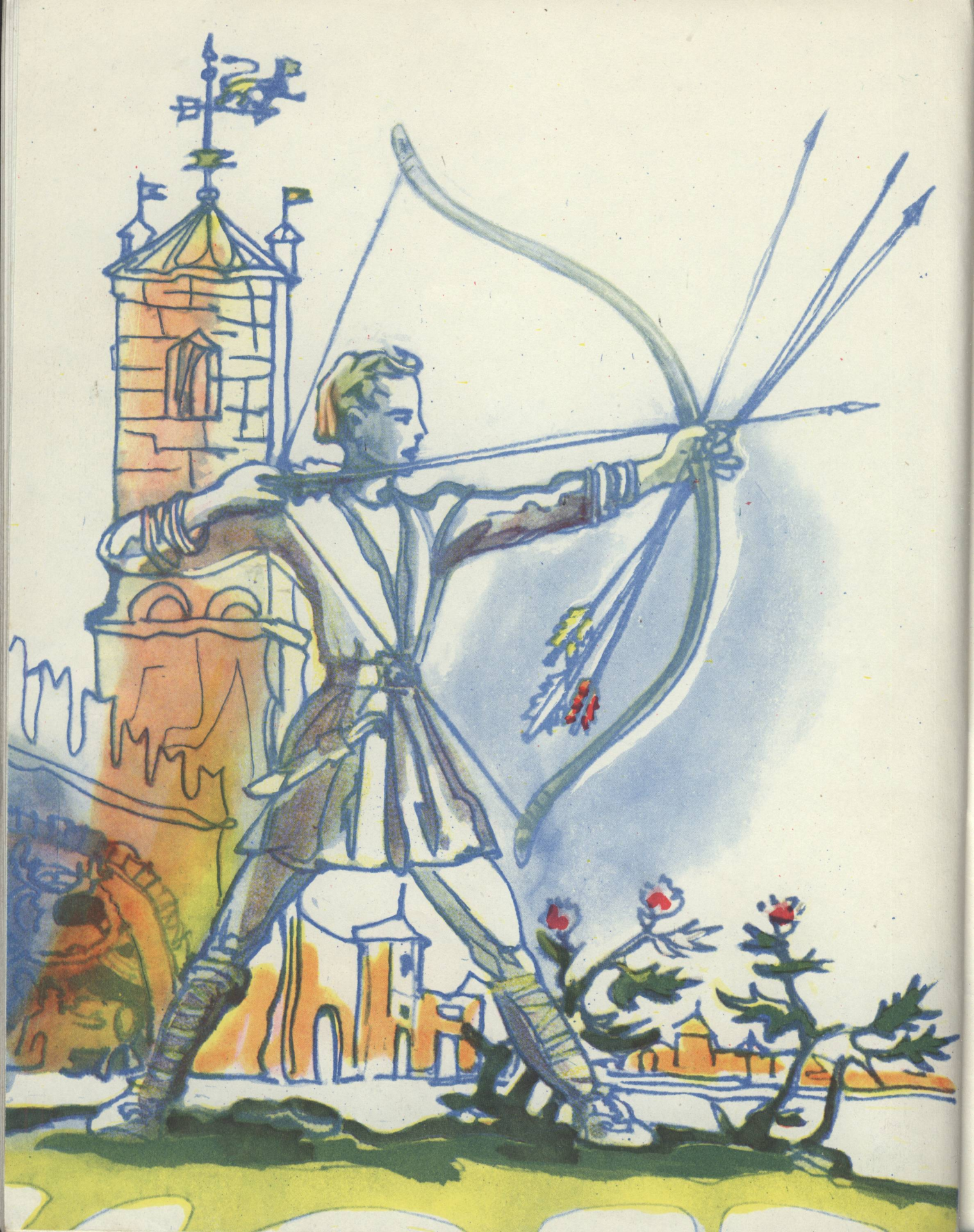
Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул под лед и оттуда загремела его песня. Ну, и что—что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом черная вода и таинственный зеленый полумрак. Там, если погромче свистнуть, все зазвенит: эхо помчится стучаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

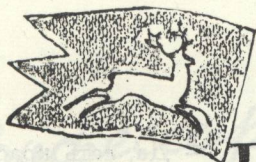
А нам чего бы его не послушать?

Фотозагадка

Робин Гуд

И ЛЕСНИКИ

Высок и строен Робин Гуд.
Ему пятнадцать лет,
И веселее смельчака
Во всей округе нет.

Пошел однажды в Ноттингем
Отважный Робин Гуд.

Глядит — пятнадцать лесников
Вино и пиво пьют.

Пятнадцать дюжих лесников
Пьют пиво, эль и джин.

— Все бедняки у нас в руках,
Не пикнет ни один!

— А ну, скажите, лесники,
Что нового в стране?

— Король на спор зовет стрелков.

— Ну что ж, мой лук при мне.

— Твой лук? — смеются лесники. —

Кто звал тебя, юнца?

Да ты, мальчишка, тетиву

Натянешь до конца?

— Я ставлю двадцать золотых,

Кладу на край стола.

Оленя за пятьсот шагов

Убьет моя стрела!

— Идет, — сказали лесники, —

Любой заклад хорош.

Оленя за пятьсот шагов,

Хоть лопни, не убьешь.

Но не успел никто из них

Ни охнуть, ни моргнуть,

Как Робин за пятьсот шагов

Попап оленю в грудь.

Один прыжок, другой прыжок —

Олень на землю лег.

— Моя победа, лесники,

Трясите кошелек!

— Не стоит, парень, наш заклад

Такого пустяка.

Ступай-ка прочь, не то, смотри,

Намнем тебе бока.

Тут Робин взял свой верный лук

И связку длинных стрел,

И, отойдя от лесников,

На них, смеясь, смотрел.

Вовсю смеясь, за разом раз

Спускал он тетиву,

И каждый раз один лесник

Валился на траву.

Последний бросился бежать,

Помчался, что есть сил,

Но зоркий Робин и его

Стрелой остановил.

Тогда шериф своим стрелкам

Велел бежать бегом,

За королевских лесников

Расправиться с врагом.

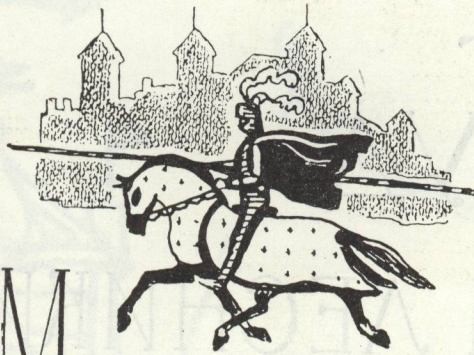
Одних без ног несли домой,

Других стрелков — без рук.

А Робин Гуд ушел в леса,

Забрав свой верный лук.

МОЛОДОЙ УОТЕРС

Скакал на бешеном коне
Уотерс молодой.
Он королеву покорил
Отважною ездой.
Ему вдогонку посмотрел
Старейший из вельмож
И королеве так сказал:
— Не правда ли, хорош?

— Да, есть красавцы на земле,
Носящие доспех,
Но, как они ни хороши,
Уотерс лучше всех.
Мрачнее тучи стал король
И грозового дня.
— Итак, Уотерс лучше всех,
А, значит, и меня?
В цепях Уотерса везли,
Не дай бог никому.
В цепях Уотерса везли
По городу в тюрьму.
— Не раз по улицам родным
Я ехал на коне,
Но ехать с цепью на руках
Не приходилось мне.
Не раз по улицам родным
Я ехал в дождь и град,
Но не боялся я тогда,
Что не вернусь назад!
Стоял Уотерс молодой
У плахи не один.
Качалась рядом колыбель,
И в ней смеялся сын.
И горько плакала жена
Под похоронный звон,
И по приказу короля
Уотерс был казнен.

СМЕЛЫЙ ШОТЛАНДЕЦ

Горной тропинкой,
По выступам скал,
Смелый шотландец
На бой ускакал.
В пене, в поту,
Раздувая бока,
Конь возвратился
Без седока.
Плачет без памяти
Старая мать.
Плачет невеста,
Упав на кровать.

— Сена тебе
На лугах не косить!
Сына тебе
На руках не носить!
Перья на шлеме
И меч у бедра,—
Что за герой
Выезжал со двора!
Залито кровью
Пустое седло.
Смелому парню
Не повезло.

Перевел с английского Игн. Ивановский
Рисунки Ю. Мезерницкого

М. Васин
В. Ремезова

Летчик

Шла первая мировая война. Лихо воевал Сергей Ушаков, бывший студент-химик, был ранен, контужен, получил несколько боевых орденов и высшую награду — золотое оружие.

За боевые заслуги Ушакова зачислили в Крымскую школу летчиков. Здесь его застала Октябрьская революция. Вскоре Ушаков записался в Красную Армию. В его кармане теперь бережно хранился небольшой листок бумаги:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее выдано красному летчику С. Н. Ушакову в том, что он является активным, энергичным бойцом за интересы интернационального пролетариата и стоит на платформе советской власти.

*Председатель полевого совета
10 авиационного дивизиона Яхонтов.*

Пуговица и порох

Беда пришла неожиданно. Медицинская комиссия признала Ушакова негодным к службе в авиации. Бывшего летчика направили в Петроградскую артиллерийскую академию. Одновременно с Академией Ушаков закончил Политехнический институт, демобилизовался из армии и стал инженером-химиком.

Теперь, в 1920 году, о небе, о крыльях вспоминалось особенно часто. Работал Ушаков инженером на Шосткинском пороховом заводе, затерявшемся в лесах Черниговщины. Утром отправлялся на работу, вечером возвращался домой. Обычная работа. И никакой романтики...

Но вскоре молодой инженер обнаружил, что на его обычной работе можно делать много необычного и чрезвычайно важного.

Взять, к примеру, тот же порох — основную

Много трудностей переживала красная авиация в то время. Аэропланы были истрепанные, поломанные, не было запасных частей. Не было даже бензина, и приходилось летать на опасной смеси спирта и отходов нефтеперегонных заводов. Но трофейный «Альбатрос», на крыльях которого были нарисованы красные звезды, регулярно поднимался с зеленого поля, делал круг и скрывался вдаль: летчик Ушаков отправлялся на разведку.

Летал он в тыл к немцам, изучал с высоты расположение войск Деникина. Не раз был на волосок от смерти, но смелость и выдержка всегда выручали. Незаметно для самого себя Ушаков стал заправским летчиком, в воздухе чувствовал себя легко и радостно, а оставаясь несколько дней на земле, страдал от профессиональной «болезни» летчиков — тоски по небу.

продукцию завода. Теперь, после окончания военных действий, он никому не нужен. Склады забиты этим добром, впору останавливать завод. А большинство предприятий не работает, население испытывает нужду буквально во всем — в спичках, мыле, гребешках, пуговицах, лопатах, посуде. Ушаков часами просиживает после работы в лаборатории, колдует над пробирками и наконец приходит к выводу: порох — вещь полезная и в мирные дни — из него можно делать отличные... пуговицы и гребешки.

И завод не остановился, он по-прежнему вырабатывал порох. Но определенные вещества, которыми потом обрабатывался этот порох, превращали его в пластмассу — хороший материал для изготовления пуговиц, гребешков, пряжек.

Раздумывая над тем, как превратить порох в мирную продукцию, Ушаков впервые почувствовал прелесть и романтику научного поис-

ка. Не беда, что больше нет Ушакова-летчика. Зато теперь родился Ушаков-исследователь.

Сделаем сами

Пуговица из пороха... Это было первое столкновение молодого химика с пластмассами. Ушаков поверил в удивительные свойства этого материала

Однажды его послали в Германию. Он должен был купить патент на изготовление плексигласа — особого синтетического «стекла» для самолетов. Ознакомившись с предложенным патентом, Ушаков возмутился: патент был устаревшим, а руководители фирмы «Рем и Гаас» требовали за него огромную сумму.

— Нет, — сказал он директору фирмы доктору Рему, — такая покупка нам ни к чему. Мы сделаем плексиглас сами.

— Но вам потребуется несколько лет только на то, чтобы получить это стекло хотя бы в лабораторном масштабе, — снисходительно усмехнулся Рем.

— Вы слишком мрачно смотрите на ве-

щи, — прервал его Ушаков. — Через год я пришлю вам русский плексиглас. Целый ящик.

И Ушаков уехал в Москву, к Сергею Орджоникидзе. С помощью наркома в Ленинграде были развернуты большие исследовательские работы. Советские химики получили синтетическое стекло и пустили первый завод по его производству. Ушаков, правда, не выполнил обещания прислать в Германию ящик плексигласа: зачем посылать ценный материал фашистам!

Не раз поездки Сергея Николаевича за границу оканчивались подобным образом: вместо того, чтобы тратить государственные деньги и покупать иностранные патенты, он возвращался на родину и создавал свой, советский вариант нужного химического материала или разрабатывал новое, еще лучшее соединение.

Лечебная кровь

Сергей Николаевич заболел. Врачи запрещали ему вставать с постели, брать в руки перо и даже диктовать статьи.

— Что же, — спросил он, — я должен так вот лежать и ничего не делать?

— Вот именно. Лежите и выздоравливайте. Это сейчас важнее любой работы.

Сергей Николаевич скрепя сердце подчинился. Мысли у него были, как и полагается больным, самые невеселые. Он думал о том, как плохо и скучно болеть. Вокруг так много интересного, осталась масса незаконченных важных дел, а тут лежи, смотри в потолок, глотай таблетки. Каждые два-три часа — таблетки или уколы.

Почему так недолго действуют лекарства? При некоторых болезнях их приходится есть буквально килограммами. Вот, например, противотуберкулезный препарат «ПАСК» надо принимать по двадцать граммов в сутки, а всего за курс — более двух килограммов! Это усложняет лечение, привязывает больных к больнице или амбулатории. Да и не всегда обилие лекарств полезно для организма.

За сорок лет...

Сейчас Сергей Николаевич Ушаков — заслуженный деятель науки и техники, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор.

Сергей Николаевич Ушаков написал около

А если сделать лекарство составной частью крови? Конечно, не живой крови, которая вырабатывается органами человека, а крови-заменителя, которую делают искусственно. Таких заменителей известно в медицине немало. Нельзя ли в состав молекулы крове-заменителя ввести лечебные вещества, сделать эту молекулу хранителем и переносчиком лекарства? Тогда химики смогут создавать кровезаменители разной «лекарственной силы» и с любой нужной продолжительностью действия.

С тех пор прошло три года. Научная работа Ушакова и его товарищей в специальной лаборатории Института высокомолекулярных соединений Академии наук СССР принесла первые плоды. Уже созданы целебные полимеры для борьбы с такими страшными болезнями, как рак, склероз, инфаркт. Недавно получены кровезаменители, в состав которых входит пенициллин и другие антибиотики. Препарат «ПАСК», соединенный с полимером, держится теперь в организме не несколько часов, как раньше, а десять дней.

ста семидесяти научных трудов и получил более ста авторских свидетельств на изобретения.

А впереди у профессора с «Альбатроса» — новые замыслы.

ДИКАЯ АФРИКАНСКАЯ КОЗА

Евгений Рейн

Рисунки Ю. Галицкого

Я в то время с Ленькой Бабочкиным на одной парте сидел. Каждый день в морской бой играли. Или марками менялись. А однажды Ленька говорит:

— Поехали, — говорит, — на футбол. Сегодня мой брат играет.

— Ну да, брат? — говорю.

— А что, и брат, — отвечает Ленька. — В команде дублеров. Поехали — сам увидишь.

— Не могу, — говорю, — меня завтра по географии вызовут.

— По географии? — спрашивает Ленька. — Ну, это совсем чепуха. Я тебе подскажу по своей системе.

Поехали мы на футбол. Действительно, Ленькин брат — Сергей Бабочкин играет правого края.

На другой день вызывают меня по географии.

— Ну-с, — говорит наш учитель Илларион Емельянович, — расскажи-ка о животном мире Африки.

Я, конечно, и сам бы мог рассказать что-нибудь, но смотрю, как дурак, на Леньку. Раз он обещал по своей системе, значит — выручит!

А Ленька взял, приложил руку к носу и размахивает ладошкой. Я сразу догадался.

— В Африке, — говорю, — живут слоны.

Потом Ленька палец к носу приставил.

— Носороги, — говорю.

А дальше Ленька такую злую морду соорудил, глаза вытаращил, зубы оскалил.

Я почему-то решил, что это тигр.

— Тигры, — говорю.

Илларион Емельянович даже с места привстал.

— Какие, — говорит, — тигры?

А я гляжу на Леньку и размышляю, кто бы это мог быть?

— Ну, не тигры, — говорю. — Я ошибся. Волки. Хищные и злые африканские волки.

— Может быть, гиены? — говорит Илларион Емельянович.

— Ну да, гигиены, — отвечаю я. — Я просто слово забыл.

А сам гляжу на Бабочкина. Вот так звери эти гиены, если они на Леньку похожи. Просто жуть.

— Это ужасные звери, — добавил я. — Самые страшные в Африке.

Тут Ленька еще ушами задвигал и язык высунул.

«Ну, — думаю, — вот так гиены. Не хотел бы я встретиться с ними».

— Ладно, — говорит Илларион Емельянович, — продолжай. Кто еще водится в Африке?

Я еще крокодила вспомнил. А дальше опять на Леньку гляжу. А он что-то странное делает. Приставил себе рога и шею вытянул.

Что это за зверь, я такого и не знаю даже, может быть, специальный какой-нибудь, африканский зверь?

— Ну что же ты молчишь? — говорит Илларион Емельянович.

А я на Леньку гляжу — чего он так шею вытянул? Губами двигает, как будто траву щиплет.

— Ах, — говорю, — вспомнил, — дикая африканская коза с длинной шеей.

— Как же ты ее себе представляешь? — спрашивает Илларион Емельянович.

— Ну, как, — отвечаю. — Коза. Травку щиплет. Шея у нее длиннющая.

— А как же она называется? — снова спрашивает Илларион Емельянович.

— Это уж как хозяин назовет, — отвечаю. — У каждой свое имя.

Но тут Илларион Емельянович меня на место посадил.

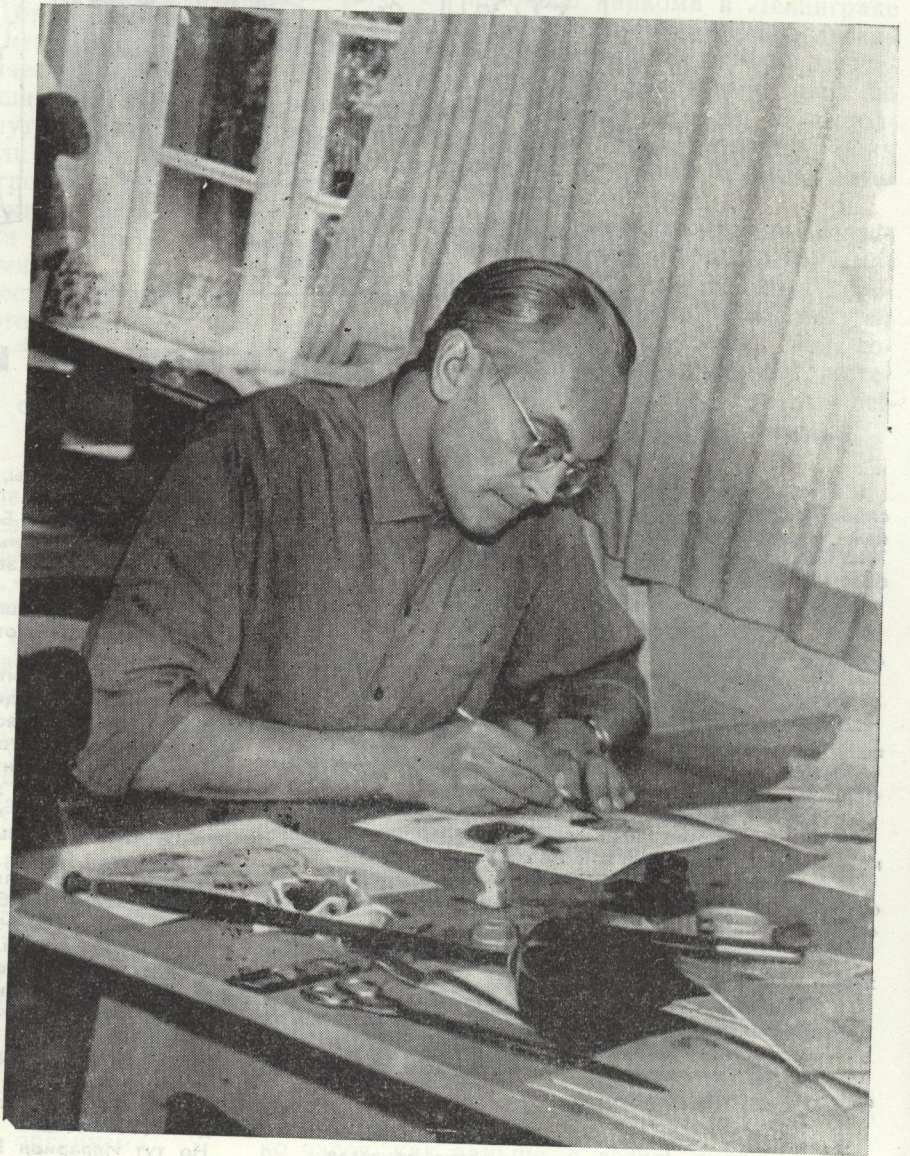
Сажусь я за парту, а Ленька мне и говорит:

— Эх ты, — говорит, — жираф.

Я здорово обиделся — меня же подвел и еще ругается.

— Ладно, — говорю, — сам жираф. Я с тобой разговаривать не хочу!

ХЕРЛУФ БИДСТРУП

*Til . Koesjerp's
kædere!
De herkelegste til-
sener fra H. C. An-
dersens fædreland
bringet heres hengjær
Herluf Bidstrup*

**Читателям
«Костра».
С родины Андерсена
передает вам
сердечные приветы
преданный вам
Бидstrup**

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Посадил садовник деревце. Подпер колышком. Поливал-поливал, смотрит — вместо деревца зацвел колышек.

Или вот еще: дрессировщик собаку дрессирует. И так и сяк старается, сам лает, сам поноску тащит, сам в конуру полез — а собаке того и надо. Взяла цепочку в лапу и повела своего хозяина гулять.

Это мы вам пересказываем рисунки датского художника Херлуфа Бидструпа. Неправильно, конечно, делаем: его истории в картинках нужно видеть. Кто их видел, обязательно скажет: ну и веселый человек Бидstrup!

В годы войны он рисовал для листовок карикатуры на фашистских главарей. Его искали, Гитлер сулил за его голову большие деньги, а он скрывался в подполье и рисовал все равно. Смелый человек Бидstrup!

Он — художник датской коммунистической газеты «Ланг ог фольк». И читатели этой газеты, развернув номер и не найдя в нем рисунков Бидструпа, даже обижаются: «Куда девали нашего Херлуфа?»

Но так бывает редко, может, в полгода — раз. Работящий человек Бидstrup!

И не всегда его истории такие смешные, как те, о которых мы упомянули.

Мальчишка и девчонка бродят по улицам огромного города. Всем они мешают, отовсюду их гонят. Им бы на волю, на пляж, на солнышко! Да нельзя — посреди пустого пляжа торчит на палке табличка: «Частное владение»...

Зоркий человек Бидstrup! Теперь посмотрите рисунки внизу разворота.

Они только здесь такие маленькие. На самом деле они были двухметровой высоты и висели на стене цирка в столице Финляндии

Хельсинки, в дни Фестиваля молодежи.

Мама подняла на руки малыша; играет музыка, люди танцуют и веселятся, белая голубка летит, — и тут же дают пинка колонизатору и суют кулак под нос недобитому фашисту. А всё вместе — «Ф-е-с-т-и-в-а-л-ь». Восемь букв — восемь картинок.

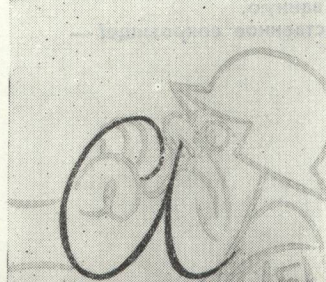
Автор картинок — Бидstrup.

Фотографию на соседней странице сделал ленинградский фотожурналист Николай Карасев, когда гостил у Бидструпа в Дании.

А письмо, которое рядом с фотоснимком, написал вам Бидstrup, когда гостил у нас в Ленинграде.

Херлуф Бидstrup не раз бывал в Советском Союзе. И свое пятидесятилетие он отпраздновал не где-нибудь, а у нас.

Наша страна — большой друг всех хороших людей мира.

ФЕОДОРО И АНДРЮАНО

Сергей Вольф

Рисунки В. Бескаравайного

В общем, было решено — Ленку мы похитим. Петька и Вовка сказали, что все это ерунда. Мы с Федькой были тверды.

День назначили — 30 декабря, под Новый год.

— Запомни, — сказал мне Федька за час до начала. — Входим, стреляем, похищаем. Бесшумно и безмолвно. Мое имя — Феодоро, твое — Андриюано. Маски готовы? Порядок. Ее место в нашем одиноком замке, а не с дядей Мишей...

— Эх, Федька, — сказал я.

— Феодоро, — поправил меня Федька.

— «Феодоро», — передразнил я его. — «Дядя Миша»... Эх, ты.

— Ты прав, Андриюано, — не моргнув, сказал Федька. — Ее отец, этот старик... инженер... лорд, вернее. Что он ей? Итак, ты готов, Андриюано?

— О да, Феодоро, — сказал я.

— Вперед! — сказал он.

Мы вышли из моей квартиры и стали медленно спускаться по лестнице на Ленкин этаж. Ночь была холодной и лунной.

— Звони, — шепотом велел Федька, когда мы спустились, и поправил свою черную маску. Я поправил свою и позвонил.

— Кто там? — спросил голос Ленкиной бабушки.

— Новогодняя телеграмма, бабушка, — ласково сказал Федька, и мы достали револьверы.

Дверь открылась.

— Руки вверх! — грозно сказал я, махнув револьвером.

— Руки по швам! — рявкнул Феодоро. — Не кричать, не плакать, не молить о пощаде.

Мы прошли в кухню.

— Куда же руки девать, господи? — сказала бабушка. — Андриюшенька, пальто-то все в мелу.

И она стала меня чистить.

— Жалобы не помогут, — жестко сказал я.

— Отведи старую женщину в ванную, — велел мне Феодоро.

— Старая женщина, — сказал я. — Иди в ванную. Сиди там тихо, как мышка. Ни стонов, ни криков. Кстати, меня зовут Андриюано.

Бабушка пошла в ванную.

— Где ваше единственное сокровище? — спросил Феодоро.

Бабушка молчала от горя.

— Страх сильнее рассудка, — сказал Феодоро. Мы посоветовались в прихожей и открыли дверь в комнату.

Дядя Ми... старый лорд читал газету и пил чай. — Где ты прячешь свою дочь, старик? — нагло крикнул Феодоро.

Отец бедной девушки повернулся к нам, и лицо его покраснело от испуга.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— О, ровным счетом ничего, — сказал Федька. — Ровным счетом. Напомни ему, Андриюано, как бесполезно сопротивление.

— Феодоро прав, сопротивление бесполезно, — сказал я, удивляясь, что он снова пьет чай. — Где дочь? — крикнул я.

— Мое бедное дитя в той комнате, — сказал испуганный отец. — Будьте к нему снисходительны. Вообще, ребята, это безобразие. У моей Ленки тройка по пению. Вы что, научить ее петь не можете?

— Но-но-но! — прикрикнул на него Феодоро. — Андриюано, сходи узнай, не сбежала ли старая женщина. Я вышел из комнаты и постучал в ванную.

— Что делает старая женщина? — спросил я.

— Да вот стираю уже целый час, — ответила она из-

за двери. — Не желают ли молодые-красивые чаю с домашней ватрушкой?

— В самый раз, — сказал я. — Да побольше. Не вздумай показывать свою скупость.

— Сейчас принесут ватрушку, — сказал я, возвращаясь.

— А-атлично! — проревел Федька. — А пока за мной, Андрюано.

Мы вошли в следующую комнату, но там было пусто. И в шкафу было пусто. И под кроватью.

— Каков лгун? — прокричал Феодоро и бросился обратно. — Где дочь? — прорычал он.

Мне стало жаль бедного старика.

— Пусть он идет туда, где пусто, — сказал я. — Надо перекусить.

Прелесть. Федька, отпусти Лену, будем елку украшать. Как прелестно!

— Да ну вас, — сказал Федька и снял свою маску.

— Нет, не надо, не надо, не снимай! — затараторила тетя Таня. — Так лучше. Так веселее. Чудесно, что вы зашли!

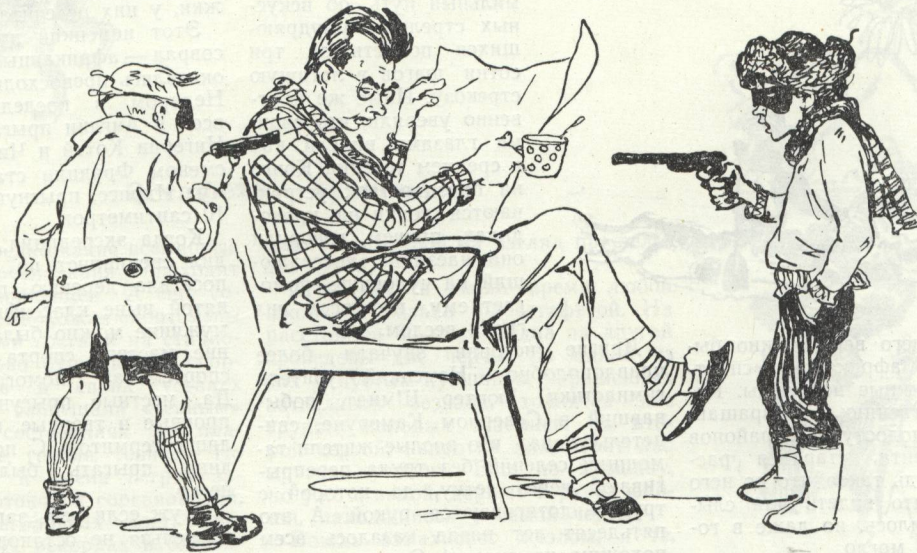
— Чудесно, — сказал я. — Чудесно. Надоело! — и снял свою маску.

— Наденьте! Наденьте! — визжала Ленка. — Маскарад! Ура!

— Ну вас, — сказал Федька.

А тетя Таня уже носилась по всей комнате.

— Миша! — кричала она. — Где подставка для елки? Ленка, тащи игрушки. Ребята, откройте дверь, там звонок.

Феодоро кивнул. Убитый горем отец взял газету и ушел в пустую комнату. Старая женщина принесла чай и ватрушку. Мы стали есть ватрушку. Феодоро был мрачен и зол.

— И где они ее прячут? — говорил он, кусая ватрушку.

Вдруг дверь открылась, и в комнату с улыбкой вошла та, которую мы искали.

— Хватай ее! — закричал Феодоро и первым бросился к ней.

— Уйди, Федька! — завизжала она. — Ой! Пусти! Па-апа!

— Ты узнала меня! — вскричал Феодоро. — Ни слова больше!

— Ма-а-ма! Чего они! Ой!

— Мальчики, мальчики, тихо, — сказала тетя Таня, входя с елкой в комнату. — Ну и маскарад! Какая прелесть! Молодцы! Сейчас украсим елку.

— Шутки в сторону! — закричал я. — Мое имя Андрюано!

— Ай да Андрюня, — сказала она, — Ай да актер!

Мы пошли с Федькой и спросили:

— Кто там?

— Новогодняя телеграмма.

Мы открыли дверь и как захохочем — там стояли Петька и Вовка, оба в черных масках.

— Ни с места! — сказали они. — Идите вперед!

Когда мы все вошли в комнату, началось такое веселье, просто ужас.

Дядя Миша надел бумажный колпак и чем-то посыпал тетю Таню.

Ленка уже притащила игрушки и была в Федькиной маске.

Тетя Таня надела маску «свинья».

В общем, смех!

Больше всех хохотали мы с Федькой.

Петька и Вовка только рот раскрыли.

Мы с Федькой дали им по стеклянному шарик и сказали:

— Ну, Петякио и Вовенцио, — за дело!

— Чего еще! — сказал Вовка. — Чего вы?

— Давай, давай, — сказали мы.

Елка получилась — то, что надо!

О СПОРТИВНОЙ АФРИКЕ, А ЗАОДНО О ГОСПОДИНЕ В ЦИЛИНДРЕ, ПРОЖОРЛИВЫХ ТЕРМИТАХ, ОБЕЗЬЯНАХ-БОЛЕЛЬЩИКАХ, КОВАРНОМ АДМИРАЛЕ И БОСОНОГОМ ОЛИМПИЙЦЕ

Небылицы белых и рекорды черных

В начале нашего века можно было услышать об африканских спортсменах всевозможные небылицы. Каждый путешественник, возвращавшийся из труднодоступных районов черного континента, старался рассказать что-нибудь такое, что до него никому не то что видеть или слышать не приходилось, но даже в голову прийти не могло.

Искателям приключений важно было привлечь к себе внимание, и они не стеснясь мололи вздор, кто во что горазд. Рассказывали о целых племенах бегунов, проделывавших за день со всем домашним скарбом

Другие истории звучали более правдоподобно. Немецкий учитель гимнастики Гюнтер Шмидт, побывавший в Северном Камеруне, свидетельствовал, что рослые жители тамошних селений без труда перепрыгивают через ветку, до которой с трудом дотягиваются рукой. А это пятьдесят лет назад казалось всем похожим на сказку! Однако в подтверждение своих слов Шмидт показывал фотографию, на которой под бечевкой, протянутой между двумя стойками, стоял он сам в цилиндре, а над ним словно парил в воздухе длинноногий прыгун-африканец. Этот снимок обошел тогда все газеты и журналы мира.

Шмидт измерил высоту. Она превышала два метра! При этом местные жители добавляли, что того, кто

неспособен совершать подобные прыжки, у них не считают за мужчину.

Этот немецкий путешественник не соврал — африканцы действительно оказались превосходными прыгунами. Недаром в последние годы выше всех в Англии прыгают студенты из Нигерии Котей и Чигболу, а рекордсменом Франции стал сенегалец Махмут Идрисс, прыгнувший на 2 метра 10 сантиметров.

Когда экспедиция, в которую входил специалист по легкой атлетике, посетила деревню, где по общепринятой ныне классификации каждому мужчине можно было присвоить звание мастера спорта, оказалось, что спортсменам помогали насекомые. Да, местные прыгуны использовали прочные и твердые, как камень, жилища термитов. С подобного трамплина прыгать было удивительно легко.

И уж если речь зашла о термитах, то нельзя не остановиться на таком печальном случае. Во Французской колонии Убанги-Шари, ныне Центрально-Африканской республике, еще в период господства колонизаторов был построен стадион с трибунами на две тысячи мест. Сюда ожидался приезд профессиональных команд из метрополии. Гости прибыли с двухмесячным опозданием. К тому времени стадион исчез: поле заросло густым кустарником, а трибуны и ворота... съели термиты!

Зрители покидают трибуны

Несколько лет тому назад, во время визита в Того, советскую команду «Динамо» пригласили в детский футбольный лагерь в самой чаще тропического леса. Для юных спортсменов приезд именитых гостей был огромной радостью. Чернокожим ребятам хотелось рассказать и показать своим новым друзьям как можно больше, и уж, конечно, они мечтали блеснуть перед гостями своим мастерством.

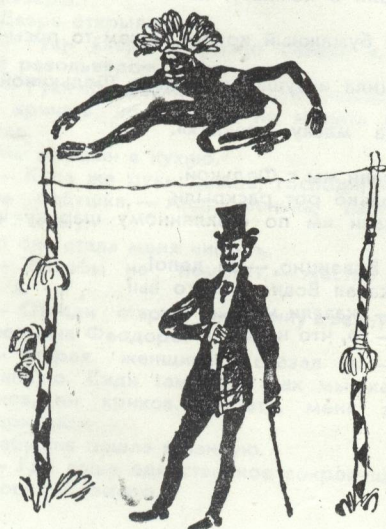
Добравшись до футбольной площадки, москвичи обнаружили, что они будут отнюдь не единственными зрителями предстоящей игры. В раз-

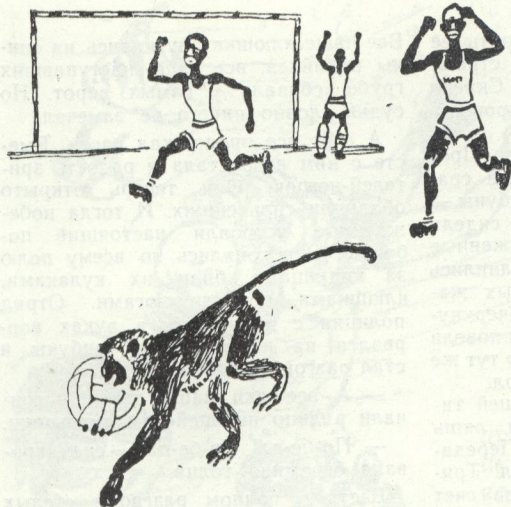
весистых кронах деревьев, окружавших поле, кишмя кишели обезьяны.

— Никакие болельщики так не любят футбол, как эти, — пояснил негр-тренер, указав на обезьян. — Готовы часами смотреть на игру. Но беда — очень любят они «сувениры».

— Да, мячей не напасешься, — не без огорчения добавил его помощник.

Тем временем, увидев, что команды выходят на поле, обезьяны спустились на землю и расположились на пологом склоне холма. Они возбужденно прыгали и верещали точно так же, как болельщики перед матчем. Взоры животных были при-

Эстафета с кувшинами

В наши дни редко какие всемирные спортивные соревнования проходят без участия африканцев. А еще совсем недавно темнокожие спортсмены были случайными гостями на стадионах. Большинство буржуазных спортивных союзов в своих уставах строго-настроено запрещали «черным» выступать в состязаниях по плаванию, стрельбе, гребле, теннису. Но пришло время, и имена негров замелькали в протоколах соревнований, а затем и в заголовках газет, извещавших о новых рекордах и блестящих победах.

«Африка приобщается к спорту, но для этого необходима культура. Пройдут десятилетия, прежде чем туземцы всерьез заинтересуются спортом», — с пренебрежением и одновременно с досадой писал известный французский журналист Ренэ Миро.

А ведь это совсем не так.

Вот что повествует старинная португальская хроника о плавании в южных морях адмирала Хесуса да Альвареса.

...В конце 1653 года в устье реки Бандамо, что впадает в Гвинейский залив, вошла бригантина «Санта Цецилия». Внимание да Альвареса привлекли большие костры, полыхавшие на плоской вершине одного из холмов.

Вскоре с корабля сходит вооруженный отряд и направляется в сторону таинственных огней. Адмирал приказывает соблюдать все меры предосторожности. И вот матросы у цели. К их удивлению, чернокожие, толпившиеся у костров, и не собираются вступать в бой. Напротив, они знаками приглашают гостей подойти, приветливо усаживают на почетные места, раскладывают перед ними яства. А сами снова зани-

кованы к мячу. Стало ясно, что после первого же аута игра перенесется в чашу.

Но вдруг раздался странный шум. Метрах в двухстах от поля на высоком шесте задержалось удивительное чучело. Оно было сделано из блестящих, ярко раскрашенных консервных банок. Мальчик, стоявший внизу, с упоением дергал за свисавший вниз конец верев-

ки. Чучело скрежетало, вертело головой, буйно размахивало руками.

Мгновение — и испуганные обезьяны вновь сидели на ветвях. Прошло еще несколько минут, любопытство взяло верх над страхом. Сгрудившись вблизи шеста, обезьяны неотрывно следили за иступленной пляской дикий животного. Теперь они уже не обращали ни малейшего внимания на потрепанный кожаный мяч.

Матч можно было начинать.

маются странной на взгляд пришельцев игрой.

Игру эту в наше время любой школьник назвал бы эстафетой. На расстоянии 50 шагов одна за другой проведены две черты. За одной из них у пустых кувшинов, украшенных затейливой резьбой, толпятся две группы молодых туземцев. За второй чертой, напротив них, стоят два других кувшина. Еще по кувшину, но уже с водой, держат в руках юноши, находящиеся у самой черты.

Вождь взмахивает жезлом, и те, у кого в руках сосуды, бросаются вперед. Забежав за вторую черту, каждый из них, не медля ни секунды, переливает воду в пустой кувшин, подхватывает его и мчится обратно. Потом его сменяет товарищ по команде. И всё повторяется сначала. В общем, как на уроке физкультуры в школе, когда проводится встречная эстафета — чья команда быстрее!

Португальские моряки попали на празднество наподобие наших спартакиад, где молодежь окрестных селений состязалась в ловкости, быстроте и силе.

Разобраться в секретах игры было несложно, и вот уже сняты доспехи, отложено в сторону оружие. Первая европейская команда выступает на африканской земле. Экипаж «Санта Цецилии» — отборные морские волки, люди, закаленные в дальних морских путешествиях. Они опережают молодых туземцев раз, другой... Восторгу гостеприимных хозяев нет предела. В честь победителей под аккомпанемент двух дюжины барабанов девушки племени исполняют грациозный танец. Гостям преподносят щедрые дары, их укладывают спать в лучших хижинах.

...Ночью португальцы напали на безмятежно спавших людей. В кувшинах для игры они унесли награбленное добро.

Посрамленные расисты

Колонизаторы не изменили своих повадок и сейчас, три столетия спустя. Посмотрите на карту Африки. На ней еще сохранились зловещие пятна колониальных владений. Там, на территориях, находящихся под ярмом империалистов, царят голод и нищета. На юге «черного континента» возникло откровенно фашистское государство — Южно-Африканская республика. Коренные жители этой страны согнаны со своих земель и заключены в огромные концентрационные лагеря. Жестоко притесняются и индейцы, которых здесь более полумиллиона.

...Шло заседание олимпийского комитета Южно-Африканской республики. В зале не было ни одного «цветного». Спортивные боссы решали, кто поедет в Рим на олимпиаду. Разумеется, в списках кандидатов не было ни негров, ни индийцев.

Посылать ли в Италию команду по травяному хокею? Если посы-

лать, то надо прежде проверить ее силы. Но с кем играть? Ведь страна граничит лишь с колониями. Скрепя сердце, приняли решение провести матч с местными индейцами.

И вот на стадионе в городе Претории началось это спортивное сражение. К его началу трибуны — с парусиновыми тентами, где сидели белые, а для «цветных» огороженные колючей проволокой, — заполнились до отказа. Команда избранных жаждала легкой победы. С подчеркнутой небрежностью олимпийцы повели мяч к воротам соперников, но тут же потеряли его и... получили гол.

Стадион замер. В наступившей тишине отчетливо был слышен лишь сухой стук мяча о клюшки. Передача, другая, третья... Снова гол! Трибуны глухо загудели. А когда счет стал 3:0, на местах «для черных» раздались аплодисменты.

Белые стали нервничать, они срывали свою досаду на соперниках.

Все чаще клюшки опускались на спины индийцев, все чаще наступавших грубо сбивали у самых ворот. Но судья словно ничего не замечал.

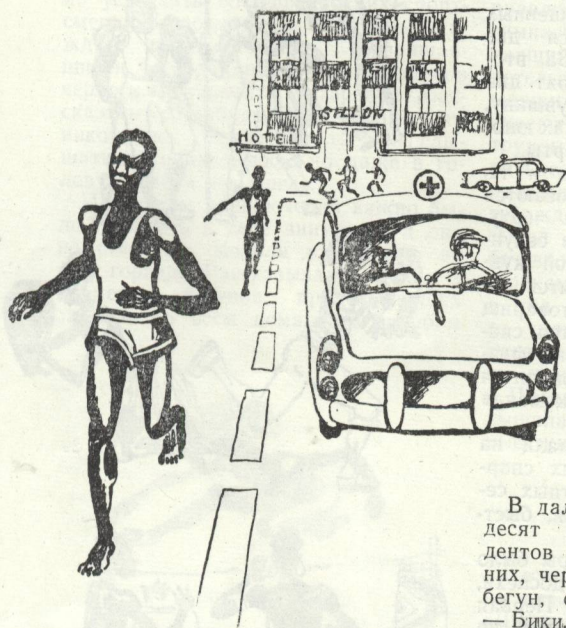
А счет все продолжал расти. Вместе с ним возрастала и радость зрителей-негров. Они теперь открыто ободряли сильнейших. И тогда победенные устроили настоящие побоище. Они гонялись по всему полю за индейцами, били их кулаками, клюшками, топтали ногами. Отряд полиции с дубинками в руках ворвался на негритянские трибуны и стал разгонять зрителей.

— А все-таки наша взяла! — кричали в лицо полицейским смельчаки.

— По-бе-да! По-бе-да! — скандировала огромная толпа.

Весть о полном разгроме «белых гиен» разнеслась по всей стране. Негритянские певцы сложили песню об этой победе, и ее долго еще потом пели в народе.

Вестник пробуждения

длиной 42 километра 195 метров протянулась от подножия Капитлийского холма по историческим улицам «вечного города», как называют итальянцы свою столицу, до стен древнего Колизея.

Сотни тысяч любителей спорта сплошной стеной стояли вдоль всей дистанции бега. До отказа были заполнены возведенные повсюду специальные деревянные помосты. Крыши домов, балконы были усыпаны людьми. А те, кому все же не хватало места, карабкались на фонари и деревья.

В дальний путь отправились семьдесят бегунов — семьдесят претендентов на золотую медаль. Один из них, черный, как смоль, сухошавый бегун, стартовал **басико**м. Его имя — Бижила Абебе — никому ничего не говорило. Ведь Абебе впервые выступал за пределами своей страны — Эфиопии.

Уже после пятого километра босоножный незнакомец возглавил бег. Рядом с ним, как тень, держался другой африканец — Абдесалом Рхадиз Марокко. Лидеры бегут легко, свободно, все дальше отрываясь от соперников. Громкоговоритель судей-

ской машины разносит весть, что Бижела — солдат императорской гвардии. Итальянцы тепло приветствуют неутомимого гвардейца.

25 лет назад трехлетний мальчик вместе с родителями спасался в горах от налетов фашистской авиации. Итальянские войска вели тогда кровавую войну против его свободолюбивого народа. И вот теперь, четверть века спустя, он приехал в Рим на форум спортивной молодости, чтобы покорить столицу Италии грациозностью своего бега, завоевать в мирном дружеском сражении симпатии римлян.

Уверенность в своей победе помогает Абебе бороться с усталостью — он прибавляет темп. На улицах сгущается темнота, вокруг вспыхивают тысячи факелов, и в их отблесках уже в одиночестве финиширует замечательный абиссинский атлет.

Теперь он лучший в мире бегун на сверхдлинные дистанции, олимпийский чемпион и рекордсмен! Подобного времени — 2 часа 15 минут 16,2 секунды — не удавалось достичь никому за всю историю марафонских пробегов. И главное, впервые представитель Эфиопии становится триумфатором на олимпийских играх.

И потому первыми словами победителя были:

— Я счастлив. Счастлив за свою родину!

Если разговор заходит о том, какое состязание последних лет было самым необычным, чаще всего можно услышать ответ:

— Марафонский бег на Римской олимпиаде.

И действительно, это было неповторимое зрелище. Трасса марафона

Юрий Михайлов

Рисунки А. Овсянникова

Новая загадка

Позади огромный путь через океаны. Яхта «Костер» прибыла на место гибели шхуны Самуэля Сплинта. Распугивая стаи рыб, по очереди ныряли ребята в синюю воду, с аквалангами за спиной, пока не обнаружили корабль, не проникли в капитанскую каюту и не извлекли оттуда шкатулку черного дерева, отделанную перламутром.

На палубе, когда Лева взял нож, чтобы открыть шкатулку, Румпель его предупредил:

— Осторожнее! Мне что-то не нравятся эти надписи.

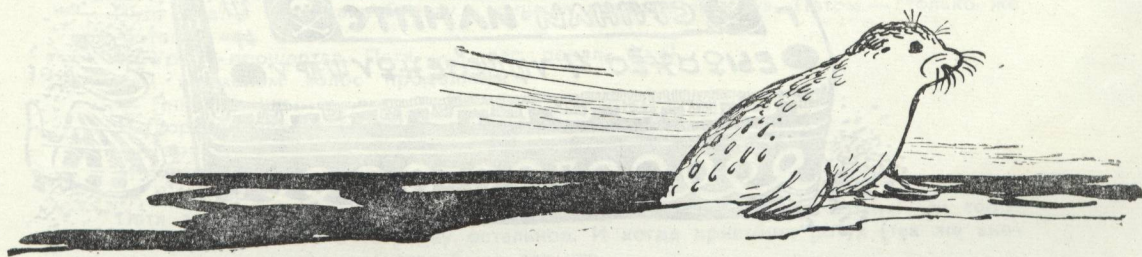
На внутренней поверхности крышки ребята обнаружили рыбий пузырь, верхняя часть которого была заполнена бурой массой, а нижняя была сплющена медной пластиной, прижатой с помощью пружины.

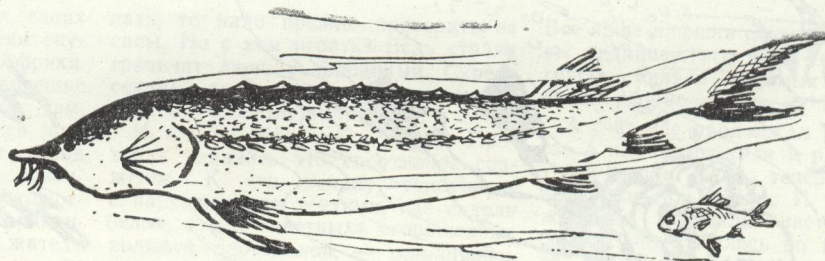
— Сейчас эта чертовщина не действует, — сказал Румпель, — но я думаю, что раньше в верхней части пузыря был какой-то сильнодействующий яд в виде мелкого порошка, в нижней — воздух. Когда крышка открывалась, пластина сжимала нижнюю часть пузыря, и из шкатулки выбрасывалось смертоносное облако. Старый пират крепко стерег свои гайны.

Бумаги Дилона Томаса, хранившиеся в шкатулке, уцелели немного лучше, чем в сейшельском орехе. Вот что удалось прочесть.

«...Капитаном я ходил на великолепном судне «Жемчужина Востока». Я побывал в Калькутте, в Бомбее, собиравшись в полной темноте пройти Баб-эль-Мандебский пролив, но провидение судило иначе... Мы стояли на якоре, когда на нас напали люди Сплинта...

Нас всех продали на невольничьем рынке. Я очутился во дворце одного хана и, спустя три года, бежал с помощью его младшей жены. На белом ханском верблюде, с мешком сухарей и двумя бурдюками пресной воды я отправился в тяжелый путь...

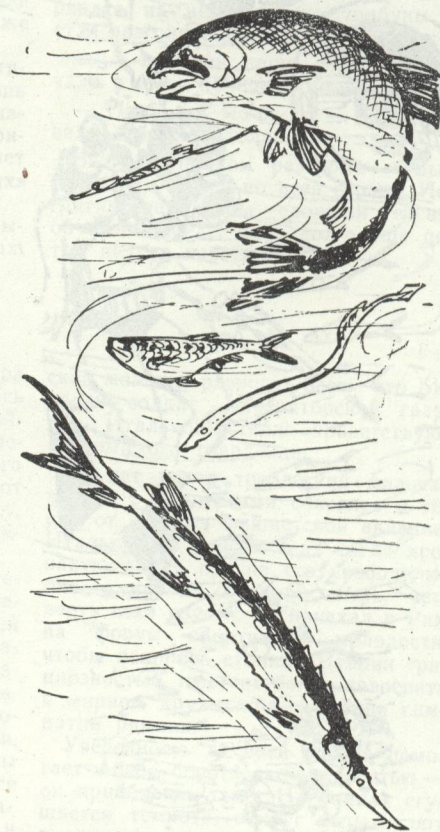
...Опять проклятый мираж! Я готов сойти с ума. В самом деле, настоящая вода! Я кое-как добрался до нее и окунул руки...

...здесь всю жизнь. Годы ушли на то, чтобы обследовать его и обойти кругом. Все же мне не удалось решить — море это или озеро. Я насчитал больше сотни рек, бегущих в него, но так и не нашел выхода в океан. Я даже пытался нарисовать его контур. Оно напоминает мне морского конька.

...Оно полно чудес. На одном его конце даже зимой тепло, а на другом вырастают льды...

...Здесь водятся собаки с рыбьим хвостом и какие-то смешные акулы...»

Вот все, что сохранилось от письма Дилона Томаса. И еще несколько рисунков, которые мы помещаем в журнале.

ПРИКАЗ № 4

§ 1. Определить по крышке шкатулки:

- Название затонувшего судна.
- Сколько раз можно прочесть там имя ее владельца.
- Как открывалась шкатулка прежде.

§ 2. Определить, в какое море попал Дилон Томас, кого он называл «собаками с рыбьими хвостами» и «акулами».

Боцман РУМПЕЛЬ

Ответы на приказ № 3

1. Альбатрос, которому посвятил свою поэму «Старый моряк» С. Т. Кольридж (1772—1834).

2. Ван Стратен и Ван дер Декен.

3. «По морям по океанам злая нас ведет звезда...» (из кинофильма «Остров сокровищ»).

4. Вахтенный распорядился уменьшить парусность, Румпель поставил яхту на плавучий якорь.

Морскую игру вели
И. Квятковский
и В. Акентьев
Рисунки Ю. Лобачева

КАК ОДНАЖДЫ УТРОМ РАНО У К НАМ ПРИШЛО письмо с Урана

А. Лосев

Рисунки Б. Семенова

Живёт на свете Петя,
Ему двенадцать лет.
У Пети над кроватью
Гагарина портрет.
Приходит он из школы —
И с книжкой на кровать.
«Какие нынче новости?» —
Спрашивает мать.
Но тут мы остановим стих
И перейдем на прозу,

потому что сегодня новости у Пети довольно неприятные. По алгебре — тройка, по русскому — двойка, с урока по труду и вовсе сбежал — не захотелось ему табуретку сколачивать.

Петин папа говорит:
— Срам и стыд!
Дядя Юрий говорит:
— Срам и стыд!
Тетя Вера говорит:

— Стыд и срам!
Даже мама говорит:
— Пусть он дома посидит,
Лодырю билета в цирк
Я не дам!

Старенькая баба Лида
Говорит:
— И мне обида,
Неужели, милый внук,
Не осилишь ты наук?

Послушал Петя, чего ему наговорили, да и решил: «Пойду-ка я спать. Завтра за ум возьмусь!» Он уже не впервые собирался «завтра за ум браться».

Приснился Пете странный сон,
Как будто мчится в космос он,
Как будто бы осуществил
Он свой заветный план:
Его к неведомым мирам
Несет ракетоплан.
Но даже здесь, среди планет,
Покою Пете нет.

Приближается Венера —
На Венере тетя Вера.
Приближается Меркурий —
Там суровый дядя Юрий.
Папа с мамой на Луне
Повторяют:
— Срам и стыд!

В двести лучших лунных цирков
Вход бездельникам закрыт!
Пролетела баба Лида
Наподобие болида,
Говорит с тоской болид:
— Сердце за тебя болит...

Сон был такой, что Петя решил лучше проснуться. Ворочался он, ворочался, как вдруг... случилось чудо! Приемник «Заря», стоявший на ночном столике, включился! Сам по себе!

— Уууууууу... — произнес неизвестный диктор.

Петя схватил карандаш, бумагу и записал двадцать три «у». Потом — столько же «р», потом — «а».

— Ура, — прошептал Петя. — Я вас понял. Ура!

Тем временем голос продолжал:

— Нннннннннн...

И скороговоркой добавил:

— Гвррит.

И повторил:

— Уран гвррит.

Петя так и ахнул — ему посчастливилось принять передачу с Урана! Он торопливо стал записывать в тетрадку остальное. И когда приемник потух (так же внезапно, как и зажегся), на листке было вот что.

ДОРОГОЙ ПЕТЯ
 УРАН СЕДЬМАЯ ПЛАНЕТА
 РАКЕТА ПЛЮС СКОРОСТЬ СВЕТА
 ТОПЛИВО ПЛУТОН ПИЩА УГЛЕВОДЫ
 ИРИСКИ МОРОЖЕНОЕ СУП БУТЕРБРОДЫ
 ТРАЕКТОРИЯ РАСЧЕТНАЯ СМ. ЦИОЛКОВСКИЙ
 РАДИО ВЫКЛЮЧИТЬ КАЛМАНОВСКИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ
 ОБРАТНЫЙ ПУТЬ С ОСТАНОВКОЙ НА ПЛАНЕТЕ ВЕНЕРА
 ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ НЕ СТРАШИТ ПИОНЕРА
 СОКИ ПОМОГУТ ВАМ СПРАВИТЬСЯ С ЖАЖДой
 АСТРОНАВТОМ МОЖЕТ СДЕЛАТЬСЯ КАЖДЫЙ
 БЕССТРАШНЫЙ ХРАБРЫЙ ОТВАЖНЫЙ
 ЕМКОСТЬ БАКОВ 200 НА 200
 ЧИТАЙ УМНО КЛЮЧ ТЕКСТЕ
 УРАНСКИЙ ПРИВЕТ

Солнце еще только встало, а Петя уже звонил у дверей известного академика Белкина-Стрелкина. Едва академик взглянул на расшифрованную Петей радиogramму, как его охватило ужасное волнение. Он воскликнул:

Мой друг, спешу поздравить вас
 С открытием великим. Да-с!
 Засим хочу спросить: нельзя ли-с
 Листок направить на анализ?

Я в Академию наук
 Хочу послать его, мой друг.
 И жмет он Пете руки
 От имени науки.

— Неужели, — сказал Петя, — вы не можете сразу объяснить мне хоть одну строчку? Такой специалист!

— Почему же! Возьмите-ка, молодой человек, карандаш и выпишите подряд все первые буквы каждой строки радиogramмы. Вот это будет для вас, с позволения сказать, ключом к космосу.

У Пети вот что вышло:

ДУРТИТРОПСАБЕЧУ

Петя расстроился:

Да это просто ерунда —
 ДУРТИТРОПСАБЕЧУ!
 Нет, не пойму я никогда
 ДУРТИТРОПСАБЕЧУ!
 Что значит
 ДУРТ?

Что значит
 ТРОПС?!
 Что значит
 АБЕЧУ?!
 Кто мне ответит на вопрос?
 Я это знать хочу!

— Вы не учитываете, — сказал академик, — что одна из принятых вами радиоволн могла отразиться от обратной стороны Луны, и вы приняли ее задом наперед. Ну-ка, напишите еще разок ДУРТ, теперь — ТРОПС, теперь — АБЕЧУ.

— А теперь, — воскликнул Белкин-Стрелкин, — ПРОЧИТАЙТЕ ФРАЗУ С КОНЦА!
 Петя прочел фразу с конца и глубоко задумался...

С тех пор пошло все гладко.
 Былого Пети нет.
 Он делает зарядку.
 Он сделал табурет.
 Во всем теперь таков он:
 И математик он,

И в русском он подкован,
 И в физике силен.
 Достоин первым Петя
 Из всех живущих Петя
 В космической ракете
 К планете полететь.

И я на той ракете
 К планетам полечу.
 Прекрасно жить на свете!
 ДУРТ!
 И ТРОПС!
 АБЕЧУ!

Редактор В. В. Торосыгин

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Паителев, Т. Н. Приставка, Е. В. Серова,
 Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернышова

Художник-редактор
 Ю. П. Мезерницкий
 Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
 А. А. Доораповская
 Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76.

М-08631. Подписано к печати 23/ХІ 1962 г.
 Тираж 260 000 экз.

Формат 84×108^{1/16}
 Заказ № 744

Печ. л. 8 + 2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
 Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза, Ленинград, Измайловский пр., 29.
 Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати

Рисунок В. Голявкина

ДЕД МОКЕЙ И ХОНКЕЙ

Вот что значит тренировка —
Даже старый дед Мокей

На катке играет ловко
С пионерами в хонкей!

